

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1970

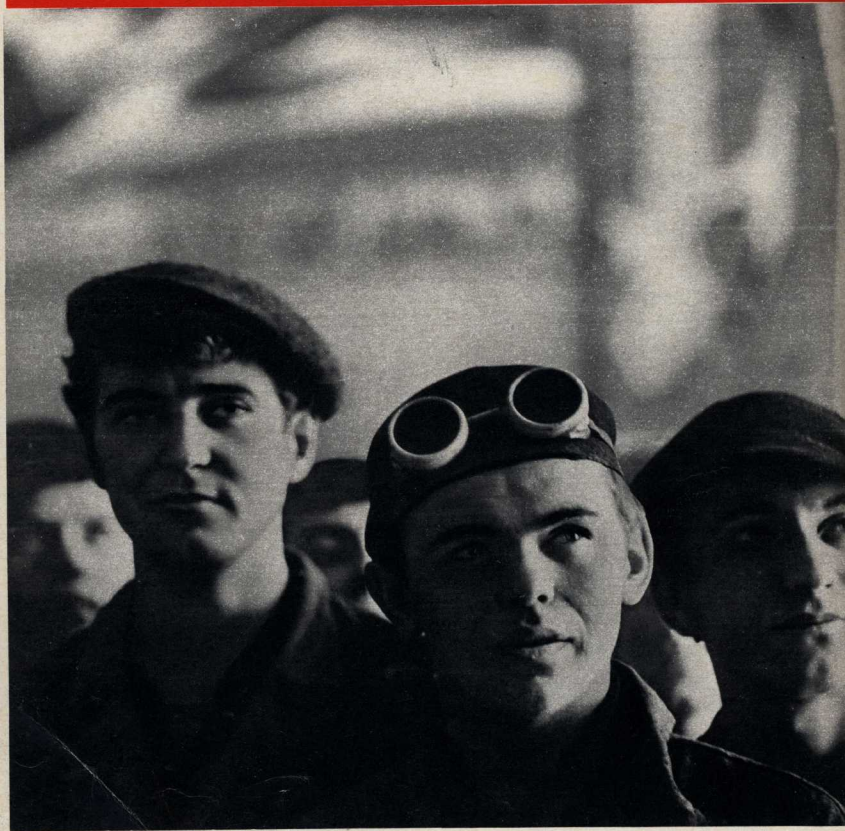
**АВТОРИТЕТ
ЗАВОДСКОГО
КОМСОМОЛА**

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

АВТОРИТЕТ

Лина ТАРХОВА,
Игорь АЧИЛЬДИЕВ,
Виктор САКК (фото)

ЗАВОДСКОЙ КОМСОМОЛСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТО...

Неудача от слов «член Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи» слава героев гражданской, первооткрывателя Комсомольска-на-Амуре, целины. Так на беззубого новобранца Кантемировской дивизии смотрят как на героя, хоть он вчера только впервые прикоснулся к автомату. На всякого вступающего в комсомол переносится свет озорного авторитета, заработанного предыдущими поколениями. И нынешним тоже. Младшее поколение подрастает в окружении слов: почти половина работников, занятых сегодня на производстве, — комсомольцы и молодежь; треть научных открытий принадлежит молодым ученым, большинство которых имеет комсомольский билет; крупнейшие стройки страны — ударные комсомольские.

Между тем ясно, что право на доверие и уважение, которым заранее наделяют люди комсомольца или комсомольскую организацию, нужно еще доказать, завоевать. Авторитет союза молодежи потому и велик, что он складывается ежедневных усилий миллионов комсомольцев, тысяч комсомольских организаций?

Как выглядит в ряду тысяч одна первичная организация? Какими реальными делами угрожает она славу Коммунистического Союза Молодежи?

На эти вопросы отвечает наш рассказ о полуротатической организации комсомольцев ордена Ленина электрометаллургического завода «Электросталь» имени И. Ф. Тевяяна.

Эта первая встреча на заводе — с директором, Игорем Степановичем Праннишниковым.

Как руководителем завода оценивает работу комсомольской организации?

— Недавно еще мы говорили так: пытаемся привлечь комсомольцев к участию в решении безразличных вопросов. Тогда же все говорили: «треугольники». А теперь у нас работает «четыреугольники завода, где четвертый — полноразный и уважаемый» — представлял комсомолец. И когда мы решаем производственные вопросы и когда подводим итоги социалистического соревнования — всегда выслушиваем мнение комсомольцев. Они, со своей стороны, всегда прислушиваются к советам нашей партийной организации, партгруппа Аркадия Зиновьевича Бедового. Комсомольцы наши — люди серьезные и надежные, и потому в трудных положениях мы обращаемся к ним. Этим летом они блестяще поработали на отделе корпуса пионерского лагеря. История обычная: строители не укладывались в график, и помочь здесь могли только энтузиазм и бескорыстие. Мы послали на помощь комсомольцев. Конечно у истории тоже самый обычный: дети в лагерь выехали вовремя.

Сейчас завод ведет крупную стройку — на территории подымается современный, грандиозный корпус шестого сталеплавильного цеха. Стройка объявлена ударной комсомольской,

там работает отряд комсомольцев, посланных от каждого цеха.

Недавно комсомольцы еще раз подтвердили, что способны на большое и серьезное дело. ЦК ВЛКСМ одобрил инициативу молодых электростальцев отметить каждый день, оставшийся до XXIV съезда партии, ударным трудом. Найдена удачная форма: каждый комсомолец и молодой производственник открывает личный дневник с отчетом о производственной работе и комсомольского фонда экономии.

Это отличная организаторская находка, она уничтожает привычную обличину в соревновании, дает возможность оперативно и точно определить победителя. Мы надеемся, со временем такая форма соревнования охватит весь завод, после того, как комсомольцы проверят ее. Как видите, и здесь молодые в звездах.

Это знак того, что лучшие традиции комсомола — о на нашем заводе трудятся комсомольцы всех поколений — не умирают. 3 октября, собравшись на субботник, посвященный 36-летию речки В. И. Ленина на III съезде комсомола, мы все работали вместе — комсомольцы первых лет завода, члены фронтовых бригад и юноши и девушки, которым старше с надеждой и уверенностью передали эстафету поколений.

В делах молодых электростальцев искания мы подтверждаем слов: директора об авторитете заводского комсомольца, искания же качества комсомольского характера, из которых и складывается авторитет.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 23 [1045]
НОВЫЙ
1970

И ша обложка: идет сталь
«Электросталь».

Фото Виктора САМКА

Рисует в первичной комсомольской
организации завода «Электросталь»
читайте на 1-й и 6-й страницах.

6
З. ПАЛВАНОВА и А.
ХЛОПИН: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ГОРОДА И ГО-
РОЖАНИНА.

12
ЕЛЕНА ЧАЙКОВСКАЯ:
«РУССКИЙ СТИЛЬ» В
ТАНЦАХ НА ЛЬДУ.

16
КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМ-
ЛИ. ПО ТРОПАМ АЛТАЯ.

22
ОДНАЖДЫ НА ВИЛЛЕ
«ЛА.ВИХИЯ», ВСТРЕЧА С
Э. ХЕМИНГУЭМ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**КОМСОМОЛСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ ТРЕСТ.
МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ**

**СТРОИТСЯ ГЭС В КОСТРОМЕ.
РЕПОРТАЖ**

**РЕПОРТАЖ О БУДУЩИХ «ЗВЕЗДАХ»
СОВЕТСКОГО ЦИРКА**

**ПОЭТ О ПОЭТЕ. К 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: Г. М. Гусев, Е. А. Доржиковский, К. Н. Зининин,
Р. Ф. Назимова, А. П. Килушов, А. С. Лавров, А. А. Лизанов (ответ-
ственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора),
Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный
художник)

Художник О. С. Таслер

Технический редактор Н. И. Будкина

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДЕЛОВИТОСТЬ

Сколько стоит воздух?

А сколько сэкономлено воздуха? — совершенно серьезно спросил Игорь Тинт и, тиндя, возникшая было на секунду, взорвалась хохотом. — Что смешного? — продолжил Игорь, притч в тонкой губах улыбка. Из недр своего стола он извлек какую-то бумагу. — Вот. Берем инструкцию и ищем воздух. Два рубля тридцать девять копеек. За тысячу кубометров. Немного, конечно, но мы будем экономить все.

Когда 22 апреля комсомольцы завода подавали итоги предвзвешенного соревнования, чувство торжества — все обязательства выполнены, некоторые с лихвой — сменилось постепенно неудовлетворенностью. Такой деловой темп был взят ребятами за последние полгода, что потерять его значило расстаться с чем-то бесконечно важным, значимо потерять высоту. Человек, если он не развешивается, стоит на месте, медленно, но верно движется назад. Это закон и для коллектива.

Много было выкурено сигарет в комитете комсомола, прежде чем начала вырисовываться деловая мысль: объявить соревнование молодежи завода в честь XIV съезда КПСС, сделать его частью Ленинского зачета. Но в какую облекать это форму?

На заводе десятилетиями накоплен опыт работы комсомольско-молодежеских бригад. В 1932 году гримала Бригада Виктора (теперь уже Виктора Петровича) Цуканова, в памяти многих невероятные цифры выработки комсомольцев фронтовой бригады. Многие из тех, кто входил в эти бригады, живы, но ведь дел работают на «Электростали». Как лучшие годы вошло в их жизнь время молодежных бригад.

Все казалось решенным — создать по образу прошлых лет комсомольско-молодежные бригады. На заводе раздается поини бригады депутаты Верховного Совета СССР сталеваля Василия Дмитриевича Пестникова — отработать два последних дня пятилетия на экономическом сырье. Это же готовые обязательства для молодежных бригад!

«Все много раз казалось решенным, но всякий раз кто-нибудь из комитета начинал сомневаться. Идея молодежных бригад — это здорово, хоть и трудно организовать в условиях нынешнего производства «Электростали». Но это соревнование для основных цехов. А что будут делать милые, серьезные девчонки из ОТК? И как в таком случае быть с комсомольцами заводоуправления?»

Новый этап работы комсомола завода грозил начаться со звонкой, формальной ноты, в ребята хотели найти дело, действительно зажигающее всех. И как-то смелые асты подручный сталеваля Виктор Иванцов, бывший делегатом на XVI съезде комсомола, вспомнил, что видел во Дворце съездов лицевые счета. Делегаты рассказывали о своем опыте соревнования. Но счета эти были бригадные. Электростальцы же хотели вовлечь в соревнование каждого. Тогда кто-то — уже не помнит, кто — и произнес эти слова: «А если лицевые счета будут индивидуальными?»

Почену мысль казалась несерьезной: на заводе полторы тысячи комсомольцев, всего молодежи — две тысячи. Если каждому лицевой счет — какая возникнет бухгалтерия! Но идея эту не бросили, над автором ее не посмеялись...

Что было дальше, известно уже со слов Игоря Степановича Праншинова: начин этот одобрен не только заводом, но и Центральным Комитетом комсомола.

Поскольку лицевые счета экономии на каждом предприятии, стоит рассказать о них подробнее. Бланк счета — на нем написано «Лицевой счет производственной работы и комсомольского фонда экономии», далее — имя, название цеха и участка — часть книжечки «Ленинского зачета». Раз в месяц каждый комсомолец заносит цифры выполнения производственного задания, сэкономленных материалов, поданных разрешений в свой лицевой счет. Эффект от экономии, первоначально нормы и т. д. высчитывается в рублях. Те, кому трудно поразить мир ошеломляющими цифрами экономии, могут взять равный по другим пунктам — в лицевой счет заносится сведения об участии в воскреснике, о сборе металлолома.

Соревнование это решено назвать заводским комсомольским зачетом и итоги его подавать дважды в году: 22 апреля и 29 октября.

«Как и предполагалось, «бухгалтерия» возникла. Грамотно заполнить два тысячи лицевых счетов! Но в сложности дела был свой смысл. Вопервых, заполнить счета должны не специалисты, а каждый рабочий, молодой специалист. Только тогда сам он полотеет, высчитывая в рублях собственную экономию, и увидит в результате, какую прибыль дал заводу он, именно он, тогда захочется ему, чтобы эта славная цифра была как можно больше. И тогда к экономленному рублю прибавится, как у всякого хорошего хозяина, желание учиться считать эти рубли, стать сознательно бережливым, творческим работником. Ведь комсомольцы завода являлись экономить к съезду партии 250 тысяч рублей!

«Увы, грамотно заполнить счета в начале соревнования могли лишь единицы. Этому надо было учиться. Совсем недавно на семинаре в комитете комсомола один комсорг, отчаявшись, сказал: «Вы нас только сейчас учите. А когда же мы из каждого комсомольца экономиста сделаем?»

Но задача поставлена именно такая. Несмотря на все трудности, каждого сделать экономистом — не главное, конечно, но экономистом на своем рабочем месте. Комсомольцев поддержал партком. Им в помощь создали экономический центр соревнования. Директор издал специальный приказ, объявляющий начальников цехов и отделов создать комиссии для помощи комсомольцам при принятии ими индивидуальных обязательств и заполнении лицевых счетов. Комиссии образовались солидные: в каждую входит кто-нибудь из руководства цеха, мастера, бригадир, экономист и, конечно, комсомольские активисты. В помощь комсомисам главный экономист завода Алексей Андраников Пенкратов и главный бухгалтер Евгений Александр-

Комитет комсомола — это коллективный поиск, сложность и требовательность в работе.

Суть бывает и такой — гибкой, послушной не только машинной, но и человеческой руке.

зияния трава. Чуть превисшии скорость — в канаву! Будешь медлить — оплываешь с грузом. Внимательно следит шофер за спидометром: ни на километр меньше, ни на минуту дольше. А спидометр-то бесовство врет!

Если спидометр конструируют из обычных сталей, то при зимней летней передаче температур он ошибается на пять и даже больше километров в час. Нужна особая сталь. Марка у нее — не выговорит простому смертному.

На создании технологичной выплавки занимается Тая Баюкова.

На наших улицах появились первые «Жигули» — красивые, комфортабельные машины. На них будут влион-

рованы спидометры, показывающие скорость с максимально возможной точностью — бакованская сталь!

После института с его учебными лабораториями и учебными опылами молодой инженер сразу попадает на первоклассное оснащенное, полужерментальное предприятие. От него требуют не просто разрабатывать, плавку, но и составить технологическую карту, чтобы она была понята и доступна рабочему-сталевару. Надо, конечно, надумать разработочную теорию технологичности, провести заданный эксперимент не только технологически грамотно, но и без возмездного брака, с наименьшей степенью риска, потерь на металлургии, и колб с реактивами... Брак — сотни и тысячи рублей убытка.

Понапад в ЦИЛ, молодой специалист обивается, нащупывает связь с производством, сначала лишь полагает опытным специалистом. И наконец ему поручают самостоятельную и важное исследование: начинаются творчество!

Валерий Марков работает на заводе шесть лет. Никак работает, потом заходит институт. Он в ЦИЛе и на заводе изучил каждую лещу, каждый стан. Может быть, поэтому Валерий сразу попадает на то, что он способен делать молодой инженер.

Одной из первых самостоятельных тем Валерия была такая: разработать технологию прокатки тонкого листа из стали марки Мн 1000 и Мн 1005. Раньше холодно прокатки стали производилась таким образом: сталь

чала прокатывать ленту толщиной 3,4 мм до толщины 0,85 мм, а потом прокатывали ее вторично — теперь уже до толщины 0,35. Стан «Кавро» позволял прокатывать сразу от толстого до тонкого листа. Вся задача заключалась в том, чтобы разработать технологию нового процесса.

Сначала подали и строили барабан в ЦИЛе и бессонные ночи давали. Стан в холодную катает тонкую ленту с огромной скоростью: 10 метров в секунду.

Рабочие-прокатчики с помощью крана водрузили огромный барабан с лентой на одну из катушек стана. И сначала медленно, а потом все быстрее прокатывали ленту. Давление вали, началось обжимание ленты, пошел прокат...

ВЗЛЕТ И ПУСЬ

Свой ударник

а каждом заводе всегда есть какой-то ударник или цех, который сегодня считается главным, и часто комсомол берет над ним шефство.

Есть и на «Электростале» такой цех — шестой сталеплавильный. Это ударная комсомольская стройка всей области — строит ее отряды молодежи Ногинского Озера, города Электростали, но все будничные хозяева цеха — самые главные строители. Не по числу рабочих. Просто это их кровное дело.

На этой стройке комсомола провел удачный эксперимент.

Мы пошли, а точнее, поехали на стройку (вазек завод «Электросталь»).

Новый цех не сравнить со старыми ни по размерам, ни по оборудованию — длинный он больше полукилометра и высотой с шестнадцатый дом. Электрика медленно и долго скопляет вдоль него — машина!

За реками разбитых дорог (дорог нет, иб и почти на любой стороне — тележесте — конструируют это совмещение, — ударная областная могла бы строиться с и большой культурой самого строительства) стоят несколько вагончиков. На одном из них фанерный цех с надписью «Штаб московской областной ударной комсомольской стройки».

За столом в вагончике сидели две девушки лет девятнадцати, не больше. Такие обе курносиче, смешливые, какжется, вчера закончили они среднюю школу и пришли учиться на стройку. Здесь им объяснили, как держать в руках мастерок, что

такое раствор и какой марфибт бывает бетон. И вот они сидят и шибуют — о сено, наварено, но металлургии.

Мы вслушались: ничего подобного! Речь о процентах, нормах, выработке, плане.

Скажите, — спросил май, — а как найти нам командира отряда Тамару Мишанову?

— А вот она я, — сказала одна из девушек и засмеялась. — Не показай в этом и заключаясь эксперимент комитета комсомола: вместо «сильного» командира поставить на стройку спокойную и привлекательную девушку. Как сказал Тинт, «это удивительно хорошо повлияло на нравы. Раньше бывали там и шум и ругань, теперь такого не услышишь».

Тамара Мишановой всего двенадцать лет. Она закончила в Электростали школу и пошла на завод, начала электриком. Прошел год, она получила третий разряд, основала спецклассацию. Летом комитет комсомола отправил ее пионерождать в лагерь. Там-то все увидели, что, несмотря на молодость, человек она серьезная, умная, о имеет и любит руководить. И решили назначить ее командиром строительного отряда электростальцев на ЦП-6, где работает пятьдесят молодых ребят.

— Сначала было трудно, ох, как трудно! — вспоминает Тамара. — Ничего не знаешь, ничего не умеешь. А надо и рабочих расставлять, и направлять, и в прообразе потолокуют. От расстановки людей зависит организация труда, а что в ней тогда понимала! Трудя, конечно, и в другом отряде, но там — Отряд заведывающий набрал темп. В июле он выполнил строитель-

ных работ на 13700 рублей, в августе — на 23700 рублей, а в сентябре — на столько комсомольцы продолжили принять в расчет — а отряде не профессиональные строители. Это вчерашние подручные сталеваров, прокатчики, алячущиеся. В отряде они приходят всего на месяц, за это время должны овладеть профессией монтажника, бетонщика, каменщика и выполнять норму третьего разряда.

Через тридцать дней место этих строителей займут следующие дольщики, а их рабочую норму будут выполнять оставшиеся товарищи по цеху.

Сейчас на стройке четыре заводских бригады: Владимира Слепова, Вячеслава Комышева, Анатолия Ермакова и Натальи Раузиной. В огромном ЦП-6 комсомольцы приложили руку ко всем участкам строительства: монтировали кондиционеры, бетонировали полы... Как сказала Тамара: «В каждом метре мы участвовали».

Слава Комышев пришел в строительный отряд из первой прокатки. Его бригаду монтируют кондиционеры на установку в будущем сталеплавильном.

Нет, никак строительством не занимаюсь. По профессии он вальцовщик, по увлечению — хоккеист, мастер спорта. А строительство — комсомольское поручение, интересное, трудное получение.

Комышев сколотил хорошую бригаду. Главное в ней не столько умение, сколько инициативность, трудолюбие, энтузиазм. Там где не хватало мастерства, бригады берет самостоятельность. Под руководством

старшего пробыта Анатолия Леонидовича Бродичного комсомольцы быстрее прощали работу, заурядно на уч. На 4—5 день и им обычно прикрепляют инструктора, опытного рабочего, а потом покажет мастер, что делать, и делают сами, не маленькие!

Здесь, в бригаде, многое зависит от организации труда.

Сначала мы решили, что всем будем платить одинаково, — рассказывает Комышев. — Потом приглядели, видно, работают не все равно. Один ствол без дела, иной раз приходится и подтачивать: «ты что же стоишь!» А у нас, бедняк, договорись, получи больше... Другой залпал во дворе маленький костерок — погреться. А остальные работают... Нет, решили мы обобщим собранный бригады, так дело не пойдет. Работать, так всем в полную силу! Иначе — денежки Sicht больше...

Бригада Комышева соревнуется с бригадой Виктора Ершова из Луговского. Мы сравнили их выработку за вторую неделю октября:

Луговские — 136 процентов, Электросталь — 130.

— Ничто, — сказал Комышев. — Мы их все равно догоним!

Догонят или нет — дело возрастет. Иначе другое: несмотря на то, что в отряде работают не профессиональные строители, что пришло они на стройку всего на один месяц, все бригады выполняют и перевыполняют нормы выработки. И это объясняется не только хорошей организацией труда в отряде, но и еще одним важным обстоятельством: старшим бригады — молодым отцам детей, которые рождаются на ударной.

Три гитары!

заводского клуба можно считать, две для молодежи — первый вечер, когда Саша Ефимов, его название для клуба — «Поиск» — было признано лучшим, получил папачинкограммовый торт, и вечер (клубы вообще, как правило, по вечерам рождаются), когда не приехали с концертом студенты одного из московских институтов.

В зале сидело несколько сотен человек, которым был обещан концерт.

Саша Цирков, член бюро комитета, который, можно сказать, выстрадал этот клуб и потому считал себя ответственным за студентов, но сдержавши слова, вышел на сцену:

— Быть будет! В зале засмеялись и поощрили на биты. Саша объяснил ситуацию и попросил пятнадцать минут — чтобы собраться с мыслями.

Эти пятнадцать минут, пока за сценой перемещались комсомольские рабочие, специально настроив инструменты ценовой эстрадной ансамбль «СЭМА-69», зал всея об-

разцово. За это им показали отличный концерт на час с личным. Пятерке вечера клуба не решился доверять целиком заводской самодеятельности: дуалоско, признание артисты скорее заинтересуют ребят. Оказалось, и сами имеют неплохой вкус. Первые завлава о себе эстрадная студия клуба «Поиск».

Клуб это возник из необходимости организовать досуг молодых электростальцев, сделать его содержательным и разнообразным. Однажды заводская индустриальная «Металлургия» обратилась к своим членам

ляем с вопросом «Клуб молодого рабочего — каким ты был хотел его видеть?»

Предложения посыпались самые разные: будущие члены клуба хотели бы встретиться в непринужденной обстановке с актерами завода, с поэтами; молодой отец хотел бы услышать лекцию о том, как вести себя с детьми, предлагал — может быть, стоило открыть для молодой семьи «Вечер в гагачин». Давшем с ходу предложил тему для дискуссии: «Что каждый из нас дает комсомолу и что нам дает комсомол». Ки-

нополителю надежды на открытие секции, девушки просили лекции по эстетике, кружок современного танца...

Само обилие предложений говорило о том, как нужен клуб. Возникла даже опасность, что «Поиск» захватится на необъятное... Поэтому решили себя сознательно ограничить: при клубе открыли эстраду, художественную и изостудию, организовали тот самый молодежный лекторий «Знание», который изобачен сейчас экономической учебной комсомольцев. Но это не значит, что молодые лекторы загнулись в узкопроизводственных интересах. «Знание» располагает специалистами (заводским, разумеется) по правовому ассистенту, по вопросам морали, культуры поведения, есть свои «международники». Лекции читают молодые специалисты, активисты. На последнем заседании комитета Игорь Тинту досталось от Лоси Коляровой за то, что уклоняется от лекций. «Все понятно, Игорь — ярам было горячее, асе уклонялся только о ливцевых ссех», — сказала Лоси, — но надо смотреть вперед. Надеемся...

Руководитель лекторской группы выразил надежду, что советами комитета комсомола исправится. И, видимо, так оно и будет: под твердым руководством Лоси лекторий неуловимо обрывает активом, популярность его увеличивается за последние месяцы «Знанием» прочтано почти пятьдесят лекций.

Когда обдумывали, каким быть клубу прежде, чем посмотреть аналогичные клубы в городе. На соседних предприятиях есть такие, но они, как правило, имеют развлекательный характер и открыты для молодых специалистов. Электростальцы решили с самого начала: членом клуба может быть каждый молодой рабочий в возрасте от 16 до 28 лет. Все проблемы, все интересы рабочего должны отразиться в деятельности «Поиска». И первое, без чего сейчас не существует, пожалуй, ни одно предприятие, — посещение в рабочие дни «Поиска» проявил уже вечер, зашедший в душу многим его участникам, когда большую группу новичков (но не тех, кто вчера переступил порог проходной, а тех, кто уже набил первые мозоли и заработал первые самостоятельные деньги) торжественно приняли в ряды рабочих завода. Новичков поздравляли руководители «Электростали», их мудро и тепло напутствовали кадровые рабочие, и сами они получили слово — первое слово на рабочем собрании. И теперь всякий раз, когда собирается на заводе группа новичков, ради них в огромном зале Дома культуры будут собираться товарищи, для них придут новые материалы, а девушки принесут цветы.

После того «посвященные» могут сами стать членами «Поиска». Комитет специально занимается тем, чтобы новички пришли в клуб — именно в самых молодых рабочих больше всего заинтересованы активисты. В тех, чей характер, интерес и привлекательность еще не сложились и кто подвластен любым влияниям. Не жалуются подростки улице, комсомольцы предлагают им интересный досуг, зовут заниматься творчеством.

Недавно под напором кино- и фотобюлетей решено открыть при клубе еще одну студию. Овладев фотографией, ребята, как планируют организаторы клуба, будут работать не только для своих семейных альбомов, но и на заводе. На членов будут давать студию открытые заводские «промопротекторы». Саша Чернов задумал фотолекцию передовых рабочих завода. Ребята придумывают сюжеты будущей фотосъемки, выбирают материал.

Новая студия, как и другие, обещает активный досуг, что особенно

Комсомолы «Электростали» переступят над школами, над детскими коллективами и заводской индустрией — даже над створоческими учителями. Новобранцев училища всякий раз проводит по заводским цехам.

В этой книжечке кончается история комсомольского фонда экологов.

подчеркивают организаторы «Поиска». Поча члены клуба, говоря, делятся на тех, кто работает на сцене и кто смотрит на сцену из зала. Цель клуба — сделать всякого «сидящего в зале» активным участником, а не пассивным созерцателем (хотя «созерцать» есть: что на встрече с «Поиском» приехали поэты И. Грудев, Н. Старинин, В. Юстров, работники «Клуба 12 ступеней», «Литературной газеты», эстрадные ансамбли). То, что не обновили в себе таланты для работы в студии, смогут принять участие в диспутах, вечерах вопроса и ответов.

Клуб растет. Началось все с маленького эстрадного оркестра, стилизованного в одном из цехов. Не имея инструментов, ребята сделали три гитары из досок, габрирами и рукам электроорганию (она «выселась на баланс Дома культуры»). Оркестр оказался первым коллективным членом клуба.

Для него куплены уже великолепные новые гитары. Старые были переданы в цех ширпотреба. На них с большим энтузиазмом и бережностью играли цеховые музыканты, пока им тоже не купили новые инструменты. Исторические гитары немедленно вытребовали в отдел главного энергетика...

Растет клуб. У него уже есть реликвии.

Мы пришли по заводу, в каждой встрече, в каждой деле молодежи инициали свидетельства авторитета комсомольской организации. А можно было, например, этого не делать, и написать всего одну строку: в сентябре этого года на заводе вступило в комсомол пятнадцать лет человек. Это было бы самым веским доказательством популярности заводского комсомола. Но мы решили прежде показать, из чего оно складывается, а закончить небольшой интервью с одним из пятнадцати: пяти новых членом ВЛКСМ — с Виталием Лукьяновым, бригадиром секции-ремонтного цеха «вырбры» — обьирка. Виталию двадцать три года, он учился в школе, работал, служил в армии — почему в комсомол вступила именно на «Электростали»?

— В школе, наверное, несерьезным был. Работал, служил — не тнуно в комсомол. А сюда пришел, увидев, что ребята заняты делом, настоящим делом. Я работал на комсомольско-молодежном участке, о нем недавно заводская газета писала, хвалила. На участке большинство ребят комсомольцы. Я и подумал: как же я-то в строение!

ГОРОДИ

Зинаида ПАВЛАНОВА,
Александр ХЛОПИН

Проблема урбанизации — роста городов — давно привлекала внимание демографов и экономистов. Городское население мира возросло с 1800 по 1950 год в 25 раз! По данным статистики, цифра городского населения СССР увеличилась с $\frac{1}{3}$ в 1926-м до 55 процентов в 1967 году. Строгие цифры статистических отчетов, однако, не объясняют причин и характера этого процесса, не могут ни и открыть нам, чем же так привлекаетелъны «огни большого города». Тут на помощь демографам и экономистам приходит социологи.

Урбанизация — процесс не нейтральный, он накладывает отпечаток на образ жизни, образ мыслей, интересы, привычки жителя города, влияет на его здоровье. Активность этого процесса требует ответной энергии от горожанина, заставляет его приспосабливаться и современному городу, его ритму. Жить в городе, оказываясь, темне надо уметь. Надо уметь пользоваться его благами, чтобы они не обратились во зло.

Статьи научных сотрудников Института международного рабочего движения

З. Павлановой и А. Хлопина мы начинаем разговор о проблемах роста городов, о взаимоотношениях города и мелкого горожанина.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

В аким видится город из окна приближающегося к нему поезда? Леса и поля постепенно исчезают из окон. Все чаще мелькают растущиеся иногда на километры современные промышленные предприятия, электростанции, высится новые строения. Робко вкрадываются в них комплексы жилых домов. Среди каменных и железобетонных зданий редко промелькнет зеленое пятно сквера или бульвара. Затем вокзальный ступолен вынесет приезжего на площади и улицы города, и он затеряется в толне чужих спешащих горожан, в нескончаемом потоке городского транспорта. Приезжего, который оказался во власти городской жизни, ждет не только толкотня на улицах и дворах в магазинах и автобусах, но и спешащих горожан, в нескончаемом потоке городского транспорта. Приезжего, который оказался во власти городской жизни, ждет не только толкотня на улицах и дворах в магазинах и автобусах, но и спешащих горожан, в нескончаемом потоке городского транспорта. Приезжего, который оказался во власти городской жизни, ждет не только толкотня на улицах и дворах в магазинах и автобусах, но и спешащих горожан, в нескончаемом потоке городского транспорта. Приезжего, который оказался во власти городской жизни, ждет не только толкотня на улицах и дворах в магазинах и автобусах, но и спешащих горожан, в нескончаемом потоке городского транспорта.

Город издавна был средоточием культуры и знаний, хранилищем достижений человеческого ума и таланта. Стены городов были заставлены прогресса. Когда под ударами варваров погибли крупнейшие античные города, образованным людям того времени казалось, что погибла цивилизация... Прошло несколько веков, и города возродились, из них даже большие. Средневековые горожане утверждали, что городская атмосфера делает человека свободным. Знания и представления, получаемые в школах и университетах на улицах и шумных рыночных площадях, освобождали от многих суеверий и предрассудков. В стенах города находили убежище все те, кто боролся за справедливость и прогресс, а улицы и площади нередко служили ареной ожесточенных классовых боев. Ничего удивительного не в том, что свою мечту о равенстве, свободе и счастье Кампанелла «поместил» в Город Солнца. Наконец в городе возник и сформировался современный рабочий класс, а слово «коммунизм» происходит от слова «коммуна» — городская община.

Чем объясняется прогрессивная роль города? В нем концентрируются передовые орудия труда, квалифицированные кадры рабочих и инженеров, в нем собираются ученые, артисты, поэты, художники, музыканты. Город поистине дает свободу — свободу выбора профессии, предприятия, выбора друзей, развлечений, занятий в свободное время. Исследования показывают, что одной из главных причин переселения сельских жителей в большие города служит как раз возможность выбора. Но не следует понимать урбанизацию как просто процесс роста городов. Это всегда двусторонний процесс. С одной стороны, он концентрирует различия между городом и деревней, а с другой — уничтожает это противоречие, приобщая всех людей к высшим достижениям культуры и производства. Благодаря радио, кино, особенно телевидению и печати, непосредственному общению горожан и жителей деревни и на селе происходит усвоение разнообразной информации городского типа. И хотя первоначально усвоение городской культуры начинается с ее внешних атрибутов (мода, эстрадные песни и т. п.), стандарты городского образа жизни постепенно входят в сознание жителей даже самых отдаленных районов страны. Город приводит в село, диктует его жителям вначале внешнюю манеру поведения, а затем и широкие интересы, давая возможность всестороннего развития личности. Поэтому, отмечая прогрессивную роль больших городов как центров науки и высокой культуры, В. И. Ленин писал, что при социализме, в условиях бурного технического прогресса, не будет необходимости ликвидировать большие города, так как «нет равно инкаких технических препятствий к тому, чтобы сокращаемы науки и искусства, веками скопленным у немногих центров, пользовались все население, разбросанное более или менее равномерно по всей стране».

Жители сел и малых городов, таким образом, не будут чувствовать себя обделенными, имея доступ к культурным ценностям.

А теперь давайте рассмотрим, в чем именно выражается процесс урбанизации, например, что стоит за словами «городской образ жизни». Этот образ жизни формируется в водоструте и одновременно предъявляет ему определенные требования. Важнейшим из них является умение бегать или умение правильно выбрать место работы или учебы, ту или иную форму досуга и т. п. Умение выбирать профессию, места жительства и досуга, от которых зависит успех всей социальной деятельности горожанина, требует определенных знаний. Более того, горожанин должен быстро ориентироваться в водоструте и информации городской жизни, вовремя узнавать о появлении новых книг на прилавках магазинов, устроиться работать на только что открывшийся завод, своевременно реагировать на недостаточность той или иной информации. Ориентация на поиск новой информации лежит в основе так называемой мобильности горожанина. Мобильность — это постоянная потребность в новой информации, способность логическая готовность реагировать на множество

градостроителями и архитекторами, занятым планировкой нынешних и будущих городов. В ходе урбанизации изменяется структура семьи, характер и формы досуга, складывается особый психологический тип городского жителя, меняется ментальность.

Покажу, наиболее обобщающей характеристикой процесса урбанизации является городское общение. Общение вообще непрерывное условие существования всякой группы людей, но в форме его меняется вместе с изменяющимися общественной жизни. Что нового внесло в общение сегодняшний город? (Приведем, кстати, и вопрос: что нового внесло сегодняшнее общение в город? Ибо сейчас здесь дугостроения, «выписки», сначала, какое место на первый вопрос.

Мы заметим, какими популярными стали в последние время слова «интеллект» и все производные от него? Не потому ли, что «интеллект» вошел в обиход одного поколения XIX века и ругали — нет, на этот раз головой! — тысячу своих слов «хозяином» или претендуют на это — буквально до всех слоев — человеческой деятельности и, уже конечно, в материальном производстве? Или этому — научно-техническая революция, НТР. Все меньше является для общества роскошью и все больше необходимостью «интеллект»? Не потому ли, что интеллект — новое богатство. Так выглядит фон, на котором разворачивается городское общение.

А теперь покончим с городом и посмотрим, как обобщается в нем горожанин. Появится прежде всего потребность в новых контактах, в новых формах. Попробуем, однако, размотать этот гигантский клубок.

Неважно, до сих пор разделение труда привело к неизменной разности классов, профессиональных обществ. Книжки, журнальные статьи, симпозиумы, конференции, производственные совещания и просто беседы на специальные темы... Стремительный рост научной информации, почуяла будущая интеллигенция, исследовала, пыталась, открыты: никакой каталог не в состоянии дать ему ощущения правильности избранной методики, уверенности в успехе эксперимента и т. д. Искусная ценность получаемой информации (пока не затеет время) не компенсируется доступности этой формы профессионального общения.

Но возможно ли представить общество в виде некоего единого целого, в котором не имели бы «кланов», как им интенсивно общение внутри них? Да и не вырываются ли тогда сами «кланы»? Профессиональное общение с необходимостью должно учитывать сложившиеся профессиональные контакты, которые пролагают связи между различными отраслями науки, производства (какое множество новых наук возникло и продолжает возникать на старых старях!). Существует и внепрофессиональное общение, общение экстраклассовое, возникающее по своим разным поводам.

Выше мы говорили о творческом потенциале и образованности личности. Занимательность, разнообразие, доступность культуры — это так вот оказывается, что роль внепрофессионального общения здесь в формировании людей творческих и эрудированных весьма и весьма существенна. Общее развитие человека прямо связано с его общением с окружающей средой. Так вот почему так часто случается, что малообщительный студент, дотошно «внедряющийся» во все тонкости специальных дисциплин, ставит себя в очередь к специалистам, не имея другой, успевающей спорить, читать вроде бы не имеющие отношения к специальности книги, слушать музыку, сидит на ступеньках Зала Чаковского, успевающей «дышать» городом.

Вот почему так любим обществом это изречение известно всем. Если физикского рода изречения, то в общении за пределами профессии. Говоря мне образно, профессия — лишь часть человека, а общение — профессия — это безделье и выживание профессионального общения может дать гармоничную, развитую личность во всей ее полноте.

Но продолжим разговор об общении. Вот мы вошли в магазин. Контакт с кассиром, контакт с продавцом, контакт с консультантом (иногда контакт с продающей — и покупка одежды. [Завтра, чтобы что-то купить, мы, не задумываясь, будем добывать точно так же.] Что можно сказать об этом типе общения? Конечно, каждый выступает здесь в качестве носителя некоторой социальной роли, в которой очень мало проявляется индивидуальность. В расписании безличных контактов — они в городе на каждом шагу наше спасение (не надо всякий раз по-

малть пошу), но как профессиональные контакты требуют в качестве необходимого дополнения внепрофессиональных, так безличные — личные, а все вместе они — реальный способ для каждого «выжить» в бесконечно разнообразном мире. В удаче, а в неудаче, а в успехе, а в том, что общение, и именно личное общение, в наше время переживает некий кризис. Темой городской жизни, множество дел, которые необходимо выполнять, множество дел, которые необходимо успеть, — все это якобы уменьшает количество личных, дружеских контактов. Отчасти это верно. Спросите себя, давно ли вы виделись с ближайшими друзьями? Все некогда. Если добывать к этому времени время, то оно уходит на работу и живущих в разных концах города людей... Выходит, что, и правда, наши личные связи вытесняются «безличными контактами», средствами массовой информации.

Так неужели равен портрет будничного горожанина, замкнутого в одиночестве в своих четырех стенах в компании с совершеннейшим телевизором, приемником и магнитофоном? Не случилось ли ему будет? В том-то и дело, что эта картина нереальная, невозможная.

По какому же принципу складывается в большом городе контакты? По интересам профессиональным или личным?

Что касается внепрофессиональной сферы, то здесь возможно общение на основании не сходства, а различия во вкусах, интересах, когда люди и интересны-то друг другу за счет этих различий. Самообразование, самообразование, самообразование, что чем выше культурно-образовательный уровень человека, тем более широк и разнообразен круг его знакомых. Прием при выборе знакомых человек отдаст себе в этом отчет или руководителем, самообразованием, интересности и полезности общения с ними. Вы заметили, как сейчас, мела отректомидовать кому-либо познакомиться человека, чаще всего говорят: это интереснее, чем общение с теми, кто раньше выговаривали: благогодейший души человек или нечто подобное. Сейчас одним из главных в оценке личности (и кто знает, не несем ли мы здесь нравственных потерь!) стали и деловые качества и деловые интересы, которые и слово «интеллект». Так вот, интелла города интересуется информациональная емкость ближнего, и если емкость эта велика, он может предпочесть контакту с ним, а не с кем-то, и это — единственное «нара» общения. Это, кстати, и объясняет почему все больше читателей отдадут предпочтение первоисточникам, а не перепискам или популярным брошюрам. И это же явление подлинно рождает роль интеллигенции, которая раньше воспринималась на работе, на лекциях и семинарах, посредством радио и телевидения, многочисленные вынужденные контакты в магазинах, столовых, в транспорте — это все явление эмоциональную напряженность, спasmus, утомление. Такая цифра: если горожанин четыре раза в сутки находится в движении по городу, площадь которого составляет 12 тысяч человек на 1 кв. км (плотность Ленинграда), то в день он должен 10 тысяч встреч. Не мудрено, что квартира становится для него местом физического и психологического отдохновения, средой для камерных встреч с близкими, а не с кем-то, и это — единственная для того самого личного общения, о значении которого здесь немало говорилось. Массовые же коммуникации обеспечивают культурно-просветительное обслуживание «на дому».

Вы заметили, что «будничное» общение обобщается? Уже сегодня происходит сближение и обобщение на два страта состоит из овладения искусством контактов. Впитывание информации, удельный вес которой растет (не по дням, а по часам), мыслительная работа, как и досуг, являются основой успешной жизни и работы человека.

Роль городского общения так велика и многогранна, что перед обществом встает задача управления им. Для этого, разумеется, в совершенстве должны быть использованы все известные механизмы. И, видимо, особенно важно для общества научиться управлять молодежным общением, общением, в котором формируются специалист, гражданин, семьянин.

Каков характер молодежного общения вообще, что отличает его от общения «старших», какие особенности накладывают на него город, какие его формы особенно эффективны для общества?

Ответить на эти вопросы мы пока не можем, они еще ждут своего исследователя. Но уже вышло во всех сферах жизни сто лет перед выбором. Чем разнообразнее и глубже система их общения, тем больше надежды, что выбор будет сделан правильно и город отстает ни все, что способен дать человек.

событий, меня в случае надобности место работы или жительства, интересы, увлечения. Это один из отличительных признаков городской культуры. Пока «привыкание», или адаптация, переселенца в город человека не достигнет определенного уровня, город для него — лишь нуд будет казаться ему крошечным атомом. Хотя, например, некалорифицированные новоселы города Барнаула, прибывшие за последние годы из сельской местности, составляли едва десятая часть из них сумела привыкнуть на новом месте. Располога огромный производственным и культурным потенциалом, больше города довольно природно «обнабужают» новоселов. Город, требует от новоселов, да и от коренных жителей тоже, образования и высокой квалификации.

Еще аспект городской жизни — транспортная подвижность населения. В поисках профессиональной и общекультурной информации почти каждому горожанину приходится совершать множество поездок по городу: от дома к месту работы, в институт или техникум, в городскую библиотеку, театр или клуб. Отмечена такая закономерность: с повышением уровня культуры и материальной обеспеченности число поездок возрастает. Поэтому транспортное обслуживание населения — одна из важнейших проблем современного города. Не только потому что сползания на работу развужают ритм города, портят нервы пассажирам. Оказывается, недостаточный автобус имеет прямое отношение к разнотности личности, к ее культуре и образованию.

Демографы и экономисты уже давно обоснованы снижением рождаемости в городах. Исследования показывают, что уменьшение количества детей — одно из следствий урбанизации. Как складывалось бы соотношение «женщины — меньше у нее детей; работающие женщины-горожанки также имеют меньше детей, чем женщины, работающие в сельской местности. Профессии, работающие в городах, имеют более высокий индигенитет. К тому же уменьшение числа детей в городской семье — результат рационального подхода супругов и этого вопросу. Связь с тем, насколько городские условия приводят не только малородности, прежде всего — проповедание детей, создавшие семью, жили с родителями. Отсюда семьи из пяти-шести человек. Теперь дети стремятся жить своими домом, своим умом, несмотря на то, что в материальном отношении более выгодно жить одной семьей. Отделение родителей от детей вызвано стремлением к экономической и даже психологической независимости детей, что приводит к прекращению связан между ними. Наоборот, часто, именно разставшись, дети начинают ценить родительскую ласку и заботу.

Итак, в городе, как правило, снижается рождаемость. Какими последствиями это вызывает? Снижение рождаемости, как правило, приводит к постарению городского населения — доля граждан средних и старших возрастов среди трудоспособных возрастает. А это, в свою очередь, приводит к постепенному снижению этого населения или других причин возникнет недостаток в рабочих руках.

Этот процесс характерен для всех крупных городов. Он настолько ущемляет на серьезные трудности: не может же количество жителей пригорода, работающих в городах, увеличиваться неограниченно. Видимо, решить эту проблему можно — во-первых, более рациональное распределение трудовых ресурсов и промышленных объектов, а во-вторых, механизация и автоматизация труда, делющие ненужным труд низкой квалификации. Но пока это один из острых вопросов жизни современного города.

Как видно, даже краткое изложение сути проблемы современного города дает ясное представление об их важности и сложности. Оказывая решающее влияние на развитие общества, процесс урбанизации вносит изменения в образ жизни и мысли, накладывает отпечаток на выбор профессии. Он подчиняет себя и требует реорганизации транспорта и коммунального обслуживания. Новые задачи возникают перед

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

В. А. ШУВАГИНУ — педагогу

I

Все началось с той поры, когда Ивану Пылаеву исполнилось тридцать лет.

«Возраст, можно сказать, уже серьезный. Даже парикмахер удивился: «Человек-то вы еще молодой, а уже седина посеребрила виски».

Седина еще не хватало!

Мало ему забот и тревог...

Вот вдруг стал уставать на работе, а главное, все в жизни перестало его радовать. Это крепко пробило и удивило. Его уже не восхитили ни расцветы, когда он шел на смену, ни зарево над заводом, когда он возвращался, ни работа на горе Железной.

И тому же Ивану, жене Ивану, завела моду будить его по утрам и шептать в ухо ласковые слова:

— Ну, открой глаза, ну, открой, Ванечка! Я что-то тебе скажу...

Вот досада!

Но все он все еще летел на самолете куда-то, летел над горам, лесом и степью, над пустыней и бесконечным морем, пока горячий парок жены и мягкие толчки ладошкой в плечо не будили его.

Он медленно возвращался из сна, словно самолет остановился, а он выскочил из него, открывал глаза, видел лицо жены с виноватой и тихой, радостной улыбкой, бесконечное ночником, но сердился и, как всегда, спрашивала:

— Ну, чего тебе, бесовница? Ох, Наталья, ты Наталья... Опять сторожишь мои злые мысли? Опять рассказывать, что снится?

Она сидела рядом с ним на тюненьком стуле и разговаривала, все время пытаясь добудиться его, чтобы он наконец-то проснулся и не опоздал на работу. И потом: ей очень хотелось его внимания и того мига, когда он окончательно проснется и выкинет в очерт. серьезный разговор-беседу.

Так, но все, ему открывались просторы, и он шлеп в ванн вместе с самолетом, а здесь была узкая комната в четырех стенах, из которой ни он, ни жена, ни вещи никуда не сдвинутся на добрую глади.

Он крикнул и смотрел на черные окна.

Который час?

За стенами дергались ночь с белыми зимними звездами, и через открытую форточку слышались наугудные рабочие звуки: рядом строили новый квартал, и каждую ночь под самым окном громог тарарахт движок, грохотали краны, повизгивали лебедки, и над шпательными бетонными плитами, скрипяще качались, горели ослепившие лампочки под жестяными зелеными шляпами.

Движок... Мотор мостового крана...

Так вот почему уже которую ночь снится ему самолеты и он путешествует по земному шару!

Пылаев умехнулся, обнял Наталью за шею одной рукой, прижал ее голову к своей груди, а свободной рукой напихал сигареты.

— Ну, горю, почему не спишь и другим досада не даешь?

— Ты просто забудь, Ванечка! Ведь тебе сегодня в последний день на работу!

Отпуск!

Он и сам знал об этом, потому не тревожился и отдыхал спокойно.

— Да... Уж это верно.

Пылаев снова, уже мысленно, поднялся в самолет над громадой Железной горы, увидел, как низко над длинными террасами разбегаются дочерью отпи и нимо в карьерах вырываются в ее бока концы экскаваторов и от каждого отходит грузинские пароды составы. А вокруг — степь, потонувшая в туманах, трубы завода и улицы города около зелени полевой уральской реки.

Ему казалось, уже не самолет, а дом поднялся с земли и летит вместе с этой комнатой и со всем, что в ней есть, туда, к его рабочему месту, к экскаватору, к сегодня он, Пылаев, отхрохает смену последний раз перед отпуском. И он повторил:

— Да. Уж это верно.

Последний раз он ухарики хлопнет по спине сменщика Веньку Рысина, кивнет на машину с хоботом: мол, не лезай! — гора большая, и — привет!

И он еще раз повторил, уже самому себе:

— Да. Уж это верно!

Пылаев представлял грустное лицо сменщика Веньки по ключи Соняные рысь, усталые и стойкое колыхаюта, того самого Веньки, который, специально понадеялся когда-то, напрогрозил:

— Мотаню ко мне в Реченск под выхлодной! У нас там знают какие коровенки! Кадрь женской красоты. Во — денки! Попакомлю и оженю!

Действительно... Пошел, понакомлюсь, и закурился там вся эта его пылаевская женская красота.

Ну, да он и не жаловался, хот и понапался ему не коровенка, а вот про то Натальюшки, роднее которой не смекать.

Вематрилась в ее молочное лицо с черными предвзглями глазами, слушающая с бесконечной доверчивой шепот дном и по ночам: мол, ты «уставишь у меня», «уробатася», «отдохни», «носи», «я сама», — он жалел только, что в его спокойной душе не было хитря, такого, который люди называют любовью...

ИМЯ

Впроче, был вихрь, и он ее любил на шумных свадьбах, которые отмаргал три раза, на которых был громко счастлива и казалась сам себе героиней: в Реченске у ее родителей, в Верхуральске у своей родни и здесь, в Железногорске, когда созвал друзей и знакомых — полгорода, как ему нравилось.

Он закрыл глаза и вдохнул. Да, все на месте, и никуда ей от него не уйти.

В голове мешались обрывки видений, воспоминаний, сон не шел, и Пылаев решил просто так лежать до рассвета и нежиться в тепле, и только изредка вставала перед глазами гора, экскаватор и сине-розовые отблески железной руды да еще чучка рычага в холодной, пропалхавшей машинном масле кабин.

— Слушай, королева... Что же ты замолчала? — хрипло произнес он. — Давай повторить, раз уж разбудила.

— Давай, Ванечка. Ну, вот... куда поедешь?

Он ответил не сразу. Год, как они женаты. Это был первый отпуск в его жизни, который он будет проводить вместе с женой, и он еще сам не знал, как и где они будут его проводить. Конечно, весело было бы бухнуться в море, которое он еще ни разу не видел, а вот раз на солнечных пляжах, есть шампанское и пить вино с кажинь-нибудь генерала в обнимку...

Или просто сесть в поезд — и давай вон дни и ночи по всей стране, по горам и селам... А там сойти где-нибудь на станции, в каком-нибудь красивом месте, чтоб леса и озера кругом и шлали на берегу. Наталья у него ждет, а он окунев и шук ей на скорую руку игроачку бросает. Вот хотю!

А еще лучше... Но он не успел подумать о том, что «еще лучше». Наталья снова бесконечно спросила:

— Так куда же мы поедом, А?

— Не знаю. Поедом, куда хочешь.

— К морю, на вот! Туда во люди ездят!

— Чудачка! Кто же зимой на море загорает?

Да, действительно, зимой навстрелась все курорты закрыты и на морских берегах людей то всего раз-два — и обчелась.

Вот в прошлом году, когда он был еще холост и отпуском по графику ему вышло на лето, нужно бы динуть к морю, но черт его дернул послушаться Веньку Рысина и проплыть целый месяц в Реченске...

А сейчас куда зимой динуть? На родину, в Верхуральске, к батю с женой в гости? Там развалюха, уютные стубы, горячая деревенская печь, бражки адволью, да и дружки в каждом доме, не считая родни. Начал издалека, как бы радудумывал:

— Верхуральск рядом... Чем не курорт? Там и море... местное. Вязто год не выдал.

Как хочешь... А только и тебе вот что скажи. И я ведь тоже целый год родителю не выдал!

— Ну, началось... Обчелась. Я же это просто так сказал. А вообще-то надо еще день отработать. Тогда и рещим.

Ванечка! А может быть... разделим отпуск напополам! Пятнадцать дней у твоих родителей в Верхуральске и пятнадцать — у моих в Реченске!

Наталья встрепуналась вся от такой простой, радостной мысли, расцвела улыбкой, и Иван засмеялся.

Может быть?

Жена беззащитно, по-детски спросила:

— Вань, а Вань... А ты покажешь мне когда-нибудь место, где ты работаешь? На горю сведем?

— А я не забьюсь.

— И зачем тебе это? Ничего там делать. Сиди дома.

Она отперуналась к стене.

Ему не оставало:

Они стали голубыми, и пропал звезд, умолок движок, и погасли скрипящие лампы на стройке, на окнами во дворе лежали тиски, уединившие, и не было морозного ветра: открытая форточка молчала.

Там, в Реченске, сейчас тоже все в снегу — и горю и горы, а в доме у гостеприимных теста и тещи жарно топится печь... Интересно, как там зимой?

Пылаев представлял, как он встретит их с Натальей (конечно, обрадуются, переночет будет подный), как по вечерам они станут вместе бесконечные беседы, как он будет спрашивать с батей в шахматы до утра и как на утра, строча на машинке стихи, будет копать на него горячим сатанисским тумом веселая улыбка.

Он старался сейчас забыть о ней, забыть о Реченске, уснуть хотя бы на час, но когда усповал себя мыслью, что она навстрелка уже вышла замуж, и, чтобы не поронить старое, ни в какие Реченски он не поедет, когда за окнами послышались жалые подьездной дерьво, толоса жалюди, сердце стало гудеть потише, он встал и засоборился на свой последний рабочий день.

«Гора Железная высылал над горюдом и степью чудом-громадой, закрывая полнеба, ирабатанная горняками уже напополам, и сейчас по

всему ее карьерному фронту была опоясана километровыми террасами, на которых шумела экскаваторов, буровые машины и экскаваторы.

Она питала добротной рукой металлургический комбинат уже несколько десятилетий, и рудные закрома в ее утробе, казалось, никогда не иссякнут: рой и грузы!

Вино, под большим отвесным обрывом, на дне глубокого котлована, как в пропасти, рылся в отвалы породы, отражался в земле ступенчатый экскаватор, будто хотел дорваться до самой ее середины — земного ядра, другой, скрежеща и злаяга всеми железами, стоял повисше, на террасе, и часто вскидывая хобот-ковш, словно старался выбраться из котлована и выкопаться по ступенчатым-каскадам на верх горы — под вольные высокие ветры.

Обрыв подбирался уже к серому далию горного управления, которое скоро должно было перенести по кирпичику на безопасное место.

Здесь, в пропасти, и робил Иван Пылаев.

Он был сейчас усталым, растерянным, каким-то опустошенным. С утра он собрал всю душевную энергию, как для прыжка, на последнюю рабочую смену, освобождающую его от ежедневной обязанности быть на работе, следовать за зарплатами, ворошить навстроченные отвалы рудной породы и нагружать вагоны-думпкары, но в диспетчерской ему весело скакали:

— Иди оформляй свои канцели, тебя на сегодня заменили.

Он и ходил — оформлял отпуск, на душе было неуютно, на сердце пусто, словно сдвигший, он бежал и бежал по морозной стене к жаркому костру, к костра-то и нету.

Веня Рысин, размахивая толстыми короткими руками, что-то кричал худому высокому Матрешкину — члену бригады коммунистического труда: сдавай смену. Экскаватор молчал, уткнувшись ковшом в забой намертво, Матрешкин пошевелился, отключился от Рысина, — мол, давай хати домой на заслуженный отдых, без тебя разберемся, а Пылаев наблюдал за ними издали, ожидая, когда наконец-то Матрешкин включит систему и машина оживет, истренивается, прогреет, заворочается и двинется в упор на уступ, на железную бровку горы, штурмом.

К чувству свободы примешивалась печаль и даже зависть к хлопотавшему Рысину, к важно спокойному Матрешкину, к ставшему родным экскаватору-гиганту, четырехкубовому «УЭТМ», словно его, Пылаева, отстраняли за неадекватностью или он навек прощался с Железной горой.

Вот и Вениамин Рысин, увидев дружка, подошел к нему и взглянул исподлобья:

— Что это у тебя сегодня такая грустная фотография?

— Да так... Спешить некуда.

— Куда махнешь? В Реченск?

— Еще не решил.

Рысин повеселел.

— Давай закружись. Вечером нагряну — провожу. А то еще с твоей свадьбы мучаюсь с похмелья.

— Ладно, помолчи.

Пылаев жалел, что все обстояло не так, как ему представлялось: и не двинул он Рысина молодцом по спине, не сказал на прощание, кивнув на машину, мол, не лямая, гора болящая, как загадывал, и, взглянув на уже заработавший экскаватор, предложил:

— Пойдем разведемся.

Рысин отказался:

— Устал я. Шесть составов за ночь нагрузил. Выспаться надо. Вечером...

У Пылаева совсем упало настроение:

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

Естественно, как начинается танец в фигурном катании!

Простой вопрос. Естественный. И отвечать на него вроде бы просто. Но не могу и сразу ответить на этот простой вопрос.

Две тренировки в день: два часа утром и два часа вечером. В общей сложности четыре часа в пути — на каток «Кристалл» и обратно. Танец начинается для меня и для моих учеников Людмила Тихомирова и Александра Горшкова в девять часов утра, а заканчивается поздно вечером.

О танце я думаю, когда просыпаюсь. Он со мной во время завтрака, обеда и ужина. Он со мной в метро. И, конечно, на катке. И у моих учеников — тоже.

За пять лет мы создали пять произвольных танцев, и столько же показательных, и еще три так называемых ориентальных, у которых рамы так же жестки, как и у обязательных. И вся эта танцевальная цепь спаяна крепко-накрепко, неразрывно.

Елена ЧАЙКОВСКАЯ,
заслуженный тренер СССР

Фото Сергея ЛИДОВА и
Жанны МОРЕНО

но, я вижу всю цепь, и это позволяет мне думать в редкие минуты отдыха еще и о будущих танцах.

Признаюсь, каждый раз я боюсь нового танца. Боюсь, что он останется понятием только нам трем. Впрочем, если бы я боялась всерьез, то не пришла бы за новые танцы. И Людмила с Сашей — тоже.

Вот говорит, что танцы на льду — самый легкий из всех видов фигурного катания. Но мы с этим не согласны. Категорически не согласны. Конечно, если кататься только для удовольствия, для приятного времяпрепровождения, то танцы на льду — одно сплошное развлечение. Нам же очень трудно. Так трудно, как бывает бегуту на средние дистанции — бежать надо быстро, а дистанция такая длинная.

Врачи, ученые, работающие с лучшими фигуристами, уже давно подсчитали, что тренировки и выступления фигуристов требуют огромных затрат энергии и что затраты эти могут сравниться лишь с самыми трудоемкими видами спорта.

Но все-таки как начинается танец?

Пять лет назад, для будущих чемпионов мира и их тренера, который почти не был знаком с танцами на льду, он начался с самых элементарных вещей. Многие любители фигурного катания помнят, что в 1966 году Людмила Тихомирова была уже опытной спортсменкой, трехкратной чемпионкой страны, а Александр Горшков только начинал свой путь. Выйдя вместе на лед в первый раз, они и не подозревали (и я не подозревала тоже), какой тернистый путь избран. Шаги, движения, жесты «притирать» не так уж сложно. Для этого тренеры имеют в своем распоряжении целый ряд технических приемов. Но надо ведь притирать и характеры, надо подогнать скорости, надо снать воедино темпераменты. И не только двух фигуристов. На льду сливаются сердца трех, без этого о подлинном танце и думать нельзя.

Я бы сказала неправду, если бы заявила, что стояло нам только потрудиться до седьмого пота, как пара стала парой. Прошло много месяцев, а мы все еще шли по «бездорожью», и каждый шаг давался ценой колоссальных усилий. Спит Мила помогала нам изучать обязательные танцы. Одновременно мы форсировали танцевальное развитие Сашки: пара сразу же представлялась как объединение равноправных партнеров. Пусть это придет не сразу, но для этого есть смысл работать.

В том, что мы начинали с чистого листа, были и свои достоинства. Мы не были скованы никакими условностями, кроме условностей обязательных танцев, но и здесь мы старались найти свои детали. И когда Мила и Саша чуть-чуть привыкли друг к другу, мы отправились на поиски музыки для своей первой произвольной программы. Для своего первого танца.

Какова принципиальная схема произвольного танца? Скажу о ней кратко. В каждом произвольном танце должно быть до трех смен ритмов.

КАМ

без длительных остановок, без высоких поддержек, без прыжков. Партнера не должно надолго ронять из рук и держать так это бывает в шарме и катании. Они накрепко связаны в танце. Наказание за нарушение законов следует немедленно.

Поиск музыки для танца всегда нелегкий. Они ищут музыку и лишь мет ивара и сониче. И лишь она стает когда-нибудь более легкими. Мы прослушиваем сотни пластинок, и никак не можем остановиться, и все менее составные части танца. И даже когда си готов, не ускользаем. Бывают и случайные находки. Но, пожалуй, случайными их можно назвать только потому, что встретили мы ту или иную мелодию неожиданно. А ведь искандит-то ее давно, была готова к встрече. И, услышав мелодию, сразу почувствовала ее своей.

Так было во второй нашей программе с прекрасной фортепианной обработкой романса «Сочи черешки». Так было и год спустя с замечательными «Сонными частушками» Роджера Шеарина. Так было и с непривычными для многих, совершенно нестандартными современными обработками классических мелодий польских танцовщиц.

Музыка для меня — самый главный помощник. Она подсказывает мне все решения, а затем помогает объяснить эти решения моим ученикам.

Если бы вы знали, как это сложно. Можно ведь вообще не вдаваться в объяснения и просто сказать своим ученикам: сделайте так — и basta. Но мне приказной метод не по душе. И чем больше работаю с учениками, тем глубже познаю мир их душевный, мир их чувств, тем быстрее и сама становлюсь более понятной им. Конечно, без всяких упреждений, без игры в простоту.

Пройдя омаждак уроки по выработке взаимопонимания, уже гораздо легче повторить его со следующими учениками. Именно так было с молодой танцевальной парой, тоже успешней добившейся в течение двух сезонов призования на международную арену — Еленой Жарковой и Геннадием Карпоновым.

...Музыка, записанная на магнитофонную ленту, у меня дома. Начинаясь непосредственная работа с программой. Обычно это бывает в середине лета, когда фигуристы уже закончили учебу, отдохнули и могут вновь привыкаться к тренировке.

Музыка становится продолжением для моей семьи. Одна и та же мелодия звучит сотни раз. Я сижу в кресле и слушаю, слушаю ее без усталости. Затем паркет под моими ногами превращается в... лед. И вот первое движение появляется на свет.

Но начало программы. Не коней, так, одно движение. Один шаг. Деталь. И она уже оживает. Она просит поскорее перейти на свет божий еще детали. Еще движения. Соединить их вместе. Секторы, скорости.

Главное в такие минуты — попасть в ритм. Успеть за мыслью. У нас, фигуристов, нет диктофонов, с помощью которых можно было бы записать наш танцевальный сюжет. Мы можем его только запомнить.

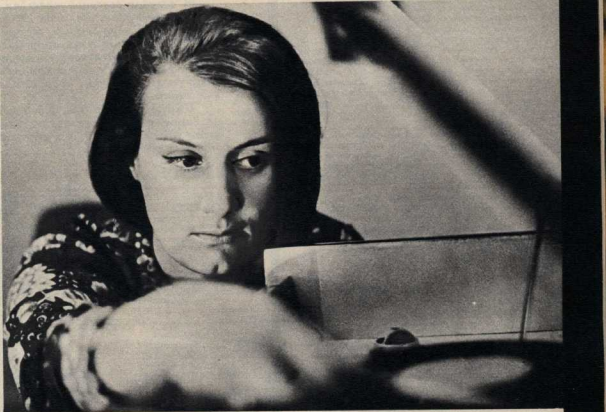
Конечно, паркет не лед. И хотя на льду во время подготовки к сезону мы проводим немало тренировок, на льду все меняется. Это движение мы представляем так, но теперь оно получается маловразительным. А жаль, идея-то была так хороша. Ну, адляо, помню что-то другое. Что именно? И начинается процесс взаимных творческих поисков. Мила и Саша всегда идут навстречу. Где-то наши пути скрещиваются. Они не могут не скрещиваться, потому что ориентиры общие, потому что мы уже запрограммированы на общий поиск.

Наша задача была бы просто невыполнимой, если бы мы не старались помочь друг другу, если бы перекадывали всю тяжесть на плечи одного.

Сейчас журналисты охотно пишут о том, что в спортивных танцах на льду создается новое направление — «русский стиль». Нам всегда хотелось, чтобы «русский стиль» являлся так не только потому, что он похож на наши народные мелодии.

Вот, скажем, один из наших показательных танцев — танго «Кундерста». Это типично активное-американское танго. И танцевальный колорит его мы сохраняем, стараемся, чтобы не было в нем ни одного движения, которое выглядело бы из характера. И все-таки мы имеем право приписать его к «русскому стилю». Ибо видим смысла этого стиля в том, чтобы добиваться максимальной выразительности во всем. Музыка не только ритмический фон. Движение не только ради движения. Все об-

Музыка для меня — главный помощник. Она подсказывает мне все решения, а затем помогает объяснить эти решения моим ученикам.
На льду начинается процесс взаимных творческих поисков.

АЕТСЯ ТАНЕЦ?

страны 1967 года. Паховому и Горшкову за этим шагом внутренним соревнованием не допускали: по мнению специалистов, из пары вряд ли что-нибудь выйдет. Правда, вместо ее ее выдвинула на арену. Ни кто ни разу не пришла на тренировки бывшей трехкратной чемпионки страны, начавшей кататься с новым партнером.

Я настаивал на допуске Миалы и Саши к соревнованиям. Но чужими, что они сами не хотят колебаться, что предостережения споры оказывают и на их свои вышине.

И когда принимается решение о допуске Паховому и Горшкову к составлению и их выдвинули на лед, Миала, забыв обо всем, забывает даже сидеть с коньком и падает у бортика.

Первое выступление носило характер маленькой сенсации. Паховому и Горшкову судьи выставили свое место в сборной. Правда, их роль вначале была лишь второй, но так продолжалась неделя.

Я очень благодарен тем давним составителям. Мы были готовы к борьбе. Мы настраивались на нее. Мы не искали легкой пути. И не ищем его по сей день — а в этом сила нашей пары, и мы не забываем об этом ни на шаг.

Сейчас уже не нужно рассказывать читателям, как проходили те или иные наши выступления: телевидение сделало их близкими миллионам людей. И все же к одному чемпионату сегодня мы вернемся, к тому, где Паховому и Горшкову ставили чемпионши мира.

В Любуны мы приехали после того, как в Ленинграде на чемпионате Европы впервые было завоевано чемпионское звание. Советским таншорам равное даже баллоу поехать к этому титулу было невозможно. Вспомните, что еще в 1965 году на чемпионате Европы в Москве единственная советская танцевальная пара оказалась на последнем месте.

В Ленинграде выступали три советские пары. Именно они задавали тон чемпионату. Миала и Саши свои танцы продемонстрировали просто идеально и стали первыми, далеко оторвавшись от всех других таншоров. На третье место вышла вторая советская пара — Татьяна Войлок и Вячеслав Жигалин. А четверку замкнул Елена Жаркова и Геннадий Карповичев. О таком успехе можно было только мечтать.

Вполне возможно, что это блистательное выступление несколько приглушило нашу бдительность. Утром мы проводили, как в Любуны, как жедет некое испытание, но американские таншоры Джо и Шюмаер и Джон Саллики вновь готовятся к поединку с Паховой и Горшковым, а сделать с собой ничего не могли.

И вот первые тренировки на льду Любуны. Как всегда, они собирают всех тренеров, всех судей. Специалисты приглаждаются к спортсменам, им хочется заранее расставить фигуристов «по полочкам».

Это обычное «представление» перед началом чемпионата. В нем есть и свои законы, эти законы нужно хорошо знать. И, в частности, на этих публикациях тренеров, конечно же, нельзя рассчитывать ни на мгновение.

Несколько неудачных поворотов, и этого достаточно, чтобы американцы устали психологический интерес. Они ведь тоже иногда падают на льду, но швином титулом в танцах, а тут — жалованье, а тут высшая ступенька вообще свобода. В таких случаях борьба всегда идет особо жесткая. И об этом всегда нужно помнить спортсменам и тренерам.

Словом, когда начались состязания, чемпионат была уже настроена скептически по отношению к Миале и Саши. И даже отлучное исполнение обязательных танцев не могло их переубедить. А тут еще spite в оригинальном танце (из сложение оценок за это) и второе место перед заключительным днем соревнований.

Такая ситуация хоть кого могла бы вывести из состояния равновесия. И если Лоула и Александр устояли, если у них оказалось достаточно характера, чтобы не дрогнуть, то истоки этой стойкости надо искать во всем нашем общем пути от первого соревнования и первой тренировки.

Произвольному программю, по сложности не имевшему себе равных в истории танцев на льду, они ставившая с настоящим размахом, легко, твердо, уверенно. И судьи не устояли!

Я не хочу оспаривать того, что происходило в эти дни со мной. Чтобы это испытать, надо занять мое место у бортика катка. И если у меня тоже хватило сил, чтобы выдержать, устоять, то прежде всего потому, что я в них верю. А верю потому, что я в них знала. И знала, что они тоже верят в меня.

На этом круг замкнулся. Теперь-то вы, надеюсь, и сами поймаете, что танец начинается сразу же после того, как он закончился. Танец не прекращается для нас никогда.

Александр ОЯСЛЕНДЕР

Публикации «Смены»

Стихи, предлагаемые вниманию читателей «Смены», написаны поэт Александр Ояслендером в разное время. Стихотворение «На рассвете» относится к 1928 году, когда молодой поэт служил на Черноморском флоте. С тех пор тема моря, романтики морских дорог, морской дружбы навсегда вошла в творчество поэта.

В суровое северное краю, на полуострове Средний и Рыбачий, был правый фланг Великой Отечественной войны. Здесь стояли нацелены североморцы. Здесь же честно выполнял свой долг журналиста и солдата поэт Александр Ояслендер. Он принимал участие в освобождении от гитлеровцев северной Финляндии и северной Норвегии, где и окончил военную пору своей жизни. Но дружба с флотом и его боевым народом продолжалась. Она вдохновляла поэта на новые стихи.

Поэт Александр Ояслендер выпустил много сборников стихов. Он преданно, страстно, увлеченно служил своим творчеством Родине. И отдал ей все — и труд, и жизнь, и добрый талант.

НА РАССВЕТЕ

Ну и штурм!
Перекрыты тали,
Что гудит
Орудийная сталь,
И летает
В бинокли морские
Черной осой
Изрытая даль,
Задымлась
деревья
столу.

Корни!
Путан
Без конца.
Волны!
Быют в берега,
как тонны
Душной зрости.
Содрагаются.
На рассвете
Штагешь
Дорогой твоей,
Над которой
матянный ветер
Дует с прежнего прамотой!

КОГДА МЕТЕТ ПУРГА

Меня просили написать о выюге,
Какая и не силась была на него.
Как восток здесь, и в круге покое,
Мы выстраивали, ни огибала.
Как горный ветер, финию по коню
Был лютый ветер, мачта издалека.
И ты, спеша к заветному порогу,
Воронился вьюги и пролетному столбу.
Откуда намечена σου дорога,
Откуда стая испытывать судьбу.
Вдохнуть захочешь — легкое завалит,
Взглянуть захочешь — аналит — гласит.
В огромном мире душно, как в —
подвале.

Ну, словом, настоящая буза!
Взлететь, погасить красная ракета:
— По одному коды запрещены!
Вот так и жизнь исканет, недолетает,
Как песня в оборахивается коню.
Но снег метет, а я молшу волосами
Воронился красавица, соборы.
Все вдвоем ледяным животом
Скляну так, кто шел здесь до тебя.
Коль поветит, во тьме наваршии
проевод —

И, не бывает хуже без доброй
В такую ночь всегда отыщешь повод,
Чтоб завернуть и ребятам до утра.
Еще не ест... Печаль не сиривая,
Сяду вьюгу слушаю друзей,
И ядрю — звонок! Тревога боевая!
А мыши, понимаете, незлы!
Была когда-то дверь — да завалило,
Холодным замком выключен прозвон,
И головой, руками что ест слыши
Наруку пробиваются друзья.
Но ветер не скрывается, зверей,
И лишь по вставшим отпавшим ядрам
Размысляют путь на батарею
Ранеты, что в сторожну забрели.
Все подтверждает истину простую,
Что здесь, у края моря, два врага
Обеднились против нас, погул —
Во-первых, немец, во-вторых, пурга!

ЗНАКОМЫЙ КУРС

С боку на бок валлю судно,
И на палубе, как всегда,
Беспечною и неуютно
Перекачивалась вода.
Мы спешим знакомым курсом,
И промолвил один из нас:
— Понимаешь, в лесе под
Курском

Соловьи
И пуги
Собачки!
Ветер, мчавшийся вдоль
гранци,
Белой пеной играл у ног.
Тот, другой, опустил ресницы,
Молча трубку свою зажмет,
Затушуся —
И слабым светом
Созрмалса, чуть-чуть норма.
— Да, — сказал он, — здесь и
летом

Холодный грозит январь,
Камени барный
И мох студеныи —
Вот и все —
И ты взгляди —
Вадру ундичиш.
Крутые склоны,
На которых растут цветы.
Эти склоны —
Густая лива,
Затеревшая навсегда
Мороз раз покрывала слава
Гибнущие их суда.
Не спуживо
Весной невзрой
Светит радугу полукругу,
Труфальной встречая ярой
Победительной зимних вью!

Рисунки
Владимира ДЕЛЫ

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Темноту дорог и тает сияет
За сонными в узкой ложнице,
Последней гранатой приключен
врага,
Ленит молодой пехотинец
А где-то звенит до зарни соловей,
В пущу одеваются слыши,
И, вспоминая далеких своих сыновей,
Встают моряки молчаливо.

Над узкими залемом — дымком
голубой,
И севостью тает солонной,
Вступит м, не уа земля под собой,
Идут по земле опавшей.

Сивозь дождь в туман, сияозь
в пространство и дни,
В теплышине и сдружотной иксне
Таким в бесмертье ворвутся они,
Таким останутся в сиянке.

Публикации
И. МЕДВЕДОВОЙ

ГОРОДОК

Николаю СТАРШИНОВУ

Этот тихий городок в Литве,
На ладони памяти твоей,
Знаю белый камушек
В траве.

Каждый обязательно нагнется,
Маленькое чудо подберет —
И городку зеленому вернется
Самое большое
Через год...

Он лежит, округл и перевалчат,
На ладони памяти твоей,
Словно искры брызжут там
С золотых граней тополей.

А когда его приставишь к глазу,
Поглядишь на солнце, не дыша,
Сотней радуг запалает сразу
Камушка прозрачная душа!

Он горит далекою планетой,
Весь живым наполнен серебром,
Словно не рукой твоей соргетай,
А веселым внутренним теплом.

Ты легко подросишь на ладони
Камушек, подобранный в траве,
Равним утром в многолюдном
доме,
В необъятном городе Москве.

Ты его подросишь и поймаешь —
Он сверкает и прячется в руке,
Камушек,
И, словно белый клавиш,
Зазвучит негромко вдалеке...

Поднесешь ты белый камень
к уху,
И в его утробе голубой
Зашумит, как в равнине, глухой
Городок, оставленный тобой!

Мужчина, сидящий напротив,
Рассказывал мне о себе,
О том, как был ранен на фронте,
О вышедшей жизни-студе.
Рукою шершавой, как терна,
Он хлопнул меня по плечу:
— Хотите, махнем на моторе
По озеру завтра!

— Хочу!..
В районную нашу газету,
Пока не замыла рука,
Писал я всю ночь до рассвета,
Как будто писал на веде,
Прид он редактора очерк
Ни свет ни заря я принес.
Редактор поправил. Не очень.
И — в завтрашний номер с копией!
Безмерно счастливый, не сиром,
Я вынута целый еповалет,
Пошел на свиданье к герою
И что-то под нос напевал.
Моторная шва, таракстела,
И мы говорим не могли.
А озеро ровно брестело,
Слегка поднимался адлам.
Мы встали по нему накружились...
Чтоб стало еще в аде,
Мы, выйдя на берег, спомнелись
По десять [тез, старей] рублей.
Хозяйюна уюни собрали,
И мы приступили к еде.
Спорочно и брызгалю сало,
Писалю не спороред!
Перцовка светилась в стакане,
Хозяин немалого разяка.
Он к спору припомнил о равне...
— Такслала!

— Что ты, лустак!
И я услышал сивозь дремоту:
— Царянина просто была...
Устрелю земляню... По ремонту...
По друбею... Тание дое...
А было в газетном абзаце,
Как, раненный тяжело в бою,
Он в части ремонтной остался,
Спрямился оставаться в строю!
Я вздрогнул и снова услышал:
— Вот так!... Кто живой, тот и прав...
Я тихо на улицу вышел
И бросился к центру стремглав.
По лестнице темной и шаткой
Я в комнату с громом вбежал.
Где бледный дежурный редактор
Полночьной своей труд завершал.
Истерзаный за день,
Не сразу
Он понял горячию мою
И вымарал гордаую фразу
О том, что когаста в строю...
Я дома не лет помычу-то,
Присел на скамейку к оизу
И вспомнил налеты, салюты,
Отца-ополченца... Войну,
Да стыдно же словом незрельм
Касаться священных тех дней,
Писать о войне между делом,
Писать и не думать о ней!

Я люблю бродить в тиши окрани,
Знаю почету.
Вечерет. Человек — хозяин
В собственном дому.

Не сидит без дела, не скучает,
Слов не говорит —
Но слова навет и тащает,
Красит, мастериет...

Завякает топор, шипит рубанок,
Тыщает пила...
После дня работы, как подарок,
Разные дела.

Так прекрасно быть подобным богу
Владельцу сельца...
Возвращаться затемно к порогу
Со своей землей.

Я люблю быть в тиши окрани,
Знаю почету.
Все в порядке: человек — хозяин
В собственном дому!

Как писателю над собственной кингой,
Ты склонился над жизнью своей,
Где не связывай яркой интригой
Отходящие тысячи дней.

Ты несложно,
Отринуя сошненье,
Заручась простотою людской,
Жизнь свою, как свое сошненье,
Переделай умелой рукой!
Появляются новые главы,
И на прошлом сверкают, как грим,
Дополнения, купюры, поправки —
Жизнь, выходя из наданных тограм...
Что угодно прельмет страница,
Кто-то за руку схватит: постой!
Но презрительный взгляд оневадня
Не сотрет ни одной запятой.
Потугайся хорошею над прошлым,
Выхода и намека на платно,
Стань хорошим и очень хорошим.
Одного лишь тебе не даю:
И сейчас, и в наданных грядущих,
И в неданно прошедших годах
Доказать нам, что ты из идущих
В героическом перемы радях!
Значит, время ты тратишь напрасно —
Все окажется бланкою пустою
Перед резкою силой контраста
Этой жизни с придуманной —
Той.

НА ПРОЩАНИЕ

Памяти Сергея ДРОФЕНКО

Дождям — лететь, листве — мелькать,
Снегам — блистать, слепя...
А нам — вальсировать, примывать
К тому, что нет тебя.
Привычно мы начнем кружить
Среди забот своих,
Но в каждом мальчишке будет жить
И будет жить старик.
И станет мальчик-фантасер
Всмысливать тайком
Тебя, живого, с этик нор
В просторной горюком,
И ты привидишься в окне,
В аллее золотой,
В пристрадционной топкотне
И в улице пусто!
Он бросится к тебе стремглав,
Не помня ничего,
Но скорбный старец будет прав,
Остановив его.
Пойдет послушное дитя
За мудрым стариком.
И, вновь надежду обрета,
Найдет тебя тайком.
И будет знать, что смерти нет,
Пока не подрастает.
Еще совсем немалого лет,
А момент, только год...

Рисунки Михаила ПАТКОВА

Я думаю —
Российское зимано,
В морозы январь и декабрь,
Преддиаско природе самою
Нам, людям, быть и чище и добрей.
Бреду куда-то заснеженной рошней —
Сды деревья, близкого светла...
На этом фоне белоснежной
Так неуместны темные дела!
И паразити неотроваемых фраз,
Когда поосуду чистота в излещие
И мир открыт для сердца и для глаз!
Когда пурга дорог замывает
И на лету затопчивает снег,
Когда тепла на свете не хватает...
Виднее злой и черствый человек.
Когда над крошечкой нахрепо

прятнест
Февральский месяц, белый,
молодой, —
Как делится водой в песках пустыни,
Так делится сердечной теплотой.
Идем человечности и братства
Среды благоосейной тишины
На вас, родные зимние пространства,
Невидимым пером нанесены.
И наши души мелодично читают
Торжественные эти письма.
Когда снежинки на землю слетают,
Кам лучших чувств и мыслию селена.

Красота
родной
земли

В КРАЮ ГОЛУБЬИХ ГОР

Анатолий СОКОЛОВ,
Виктор САКК [фото]

руг прислал письмо. Просил составить маршрут по Горному Алтаю. «Сбивай плотнее, ты знаешь наше право». Я знаю.

Ленинградский конструктор, он вместе с тремя такими же фанатиками каждый год отправляется в путешествие по стране. Туристских групп они не признавали: медленно идут, а отпуск короткий.

Шли своими, ускоренными [за счет привалов] маршрутами, зато уж не пропускали по пути ничего примечательного. Встречалась шахта — лезли в шахту, гремела стройка — шли на стройку. В деревнях интересовались народными промыслами, заходили в море с рыбаками.

А потом в домашнем музее друга рядом с моржовым бизнесом появлялась пластмассовая модель «Фюата», пестрая казахская юбка украшалась значками из карельской березы, возле поясов морской равнины пожимался обликон неведь на монике которого искрилась красная допотопная, и вот дошла очередь до Горного Алтая.

Просьба друга озадачила. Постовно имея в горах и эзотике привыкнешь как и первому отоплению в квартире.

Помню, весной мы съездили с жоскичон по знаменитому на Алтае Чукскому тракту.

— Гляди, гляди, — ахал он, — вершины голубые!

Я глядел, любезнее дальной нежноловой дымкой и не видел ничего особенного. Конечно, голубые. Какими же им еще быть! Утром — розовые дыки — голубые и вечеру станут темно-фиолетовыми. Так и положено.

Гости изумляли красны только еще зацветающего маральника, а в споконно думал о том, что главная красота появится лишь через неделю. Пышные бутоны тесно переплетенных кустов сохнутся тогда в сплошные ленты соцветия, тянущиеся на десятки — триста метров, и серые скалы словно накиннут на плечи легкие газзовые носынки. Дунет ветерок — и побегут по горам плавные серебристо-голубые.

И вот теперь надо было взглянуть на этот давно полюбившийся край со стороны, глазами ноженца. С чего начать? Каким избрать маршрут?

А может, не стоить ломать голову! Горный Алтай — сплошной дендрарий. Сюди на любой остановке ав-

Длительный взгляд старожилым
Алтая.

Гром водопада.

А вокруг простор.

Нектар Азия.

Синее око Телеского озера.

ростов, отдающихся в турлагере «Медвежонок», до кандидатов в пенсионеры, обретающих в походах вторую молодость.

Солнцу так и не удалось ни разу подсмотреть, как прозодит в Артыбаше подъем. Пока оно молниеносно взбирается по крутым, каменистым склонам прителесских гор, бесконечное плетиво туристов уже рассыпается по многокилометровым шлюхам, разбирает весла.

Рассвет застает в пути. Солнца, правда, еще не видно, но уже густо нависает туманом далайла седловина, и на самой вершине Телен-Ту трепещут, залутовавшись в пушистых издранных ветках, первые оранжевые лучи.

Сумерки молниеносно тают. Но озеро еще спит. Слышно, как гулко падают с весел капли воды. И вдруг откуда-то сверху доносится густой проливной рев. И тоска одиночества и быстрая чередой уральских слышатся одновременно в этом звуке. Чуткое горное эхо живоенно подхватывает звук, некоторое время перебрасывает его, словно мяч, между уральцами, затем мягко опускает в Камонную бухту и там топчет в густом, вязком тумане.

Неподвижно замирают весла. Все

мичут глазами: где он, гордый чарал, бросающий сопернику вызов на поединок! Слово бронзовое изваяние, неподвижно застыл на скалистом уступе ирисавец, рога, надменно откинув ветвистую голову. Подсвеченные зарем, рога его кажутся золотыми.

С тех пор как территория вокруг Телеского озера объявлена государственным заказником, туристы все чаще могут наблюдать такие картины. Налупанные в прошлом лесозаготовками и палом браньеров, звери постылыми возращаются в покинутые места. Обжигаются, прильзают к людям.

На сорок семь километров протянулись зеркальная поверхность озера. И на каждом метре пути вас подстергает чудо. То это цепь водных каскадов, то белогривая горная речушка, то сразу несколько пещер, выложенных бело-розовым ирисавром. Даже во время штормов туристам не приходится смучаться. Надоед наблюдая за разбушевавшимся стихией — сарни в любом ущелье двух погоним здесь нет.

Возвращаться хорошо под парусом. Но это потом, после. А пока — вперед. Путешествие только еще началось.

В первом номере «Книжного обозрения» за 1970 год была опубликована небольшая заметка Е. Бараса, в которой сообщалось, что у известного советского спортиста Ю. Власова есть интересный автограф вестного американского писателя собственноручно написана на нем свое имя и кубинский адрес. Под ними имеется «...привиска по-русски, сделанная его же рукой: «Обобщить на журналы и выслать комплекты сое. книг за прошлые годы».

До этого в литературе о Хемингуэе мы не встречали упоминаний о том, что он владеет русским языком и даже пишет по-русски. Заметка Е. Бараса содержит досадные неточности, и я решил проверить достоверность и авторства Хемингуэе, поскольку имелю к ней самое непосредственное отношение.

о, о чем пойдет рассказ, произошло давно — одиннадцать лет тому назад. Мы прилетели на Кубу в январе 1960 года и сразу же попали в обстановку удивительной приподнятости и даже восторженности, царствовавшей во всем, что в те дни окружало там нас.

Нас поселили в гигантской свердловской гостинице «Абана-Хилтон» (последнее «Абана-Либре» — «Сабоана Гавана»), в вестибюле которой могли сидеть одновременно целые трамвайные дома. Именно здесь, в вестибюле, и произошла та встреча, в результате которой на свет появился «автограф Хемингуэе». В тогдешней поездке на Кубу я сопровождал Арама Ильича Хачатуряна. За год до этого А. И. Хачатурян был избран Председателем Советской ассоциации друзей и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки. В Тампико выдворился композитор приехал на гастроли, но он не забывая и о своей «кубобетонной нагрузке».

И вот как-то утром в мой номер позвонили кубинские товарищи из газеты «Оба» и попросили спуститься в вестибюль, чтобы обговорить план нашей работы: репетиции и концерты оставляли время для общественной деятельности.

Распространившись с друзьями в Тампико, мы направлялись к лифту, чтобы подняться на свой двадцать шестой этаж, как вдруг, не знаю почему, мне внезапно привлекли три новых посетителя гостиницы, только что вошедшие с улицы в вестибюль «Абана-Хилтон». Я стал внимательно разглядывать их — мужчине и двум женщинам.

Мужчина был чуть выше среднего роста, худощавый, при ходьбе он немного сутулился. Женщины постарше, со спортивной выправкой, казались решительной и энергичной; молодая девушка была намного выше ее — скорее долговязая, нежели стройная.

В гостиницу они вошли так, как могут входить только люди, уже не раз бывавшие здесь. То, что они не были кубинцами, не вызвало сомнений, но и за пределами их толпе нельзя было принять. Лицо мужчины показалось мне знакомым.

«Да ведь это Хемингуэй!» — внезапно подумал я. — Ну конечно, Хемингуэй! Его борода. Седые, коротко остриженные волосы, немалое количество морщин, а вернее, небрежно причесанные. И эти удивительные глаза...»

Нужно сказать, что еще в Москве, собираясь в дорогу, по совету друзей и следуя великому жеманному принципу «на вдруг», я уложил в чемодан только что вышедшее в свет двухтомное издание избранных произведений Хемингуэе. Идея была проста: книги могли сыграть роль «ключика», открывающего дверь в дом писателя.

И надо же случиться такому: всего несколько минут тому назад я обобщил кубинским друзьям, как важно передать знаменитому автору московское издание его произведений, как он сам появился в «Абана-Хилтон!» А еще говорят, что на свете не бывает чудес!

Широко известно, что Хемингуэй в отличие от большинства своих соотечественников терпеть не мог всякого рода интервью, бесед и иных проявлений любознательности и его личности. Из этого следовало, что привлекать к нему автору московское издание его произведений, как он сам появился в «Абана-Хилтон!» А еще говорят, что на свете не бывает чудес!

Я пошел к женщинам.

— Скажите, пожалуйста, этот высокий седой седой — Хемингуэй? — Вопрос был обращен к старшей из них.

— Т-с-с... — произнесла она, приложив палец к губам, и в свою очередь, спросила: — А почему это вас интересует?

Рассчет оказался точным — в ответ я получил вопрос, а не вопрос нужно ответить. Это уже начало беседы, от которой, как известно, рукой подать и до знакомства. Между тем Хемингуэй заметил, что к его спутницам обратился какой-то незнакомый человек, и двинулся нам навстречу.

Слова «последнее московское издание Хемингуэе» еще гласуящее типографской краской были произнесены тогда, когда он уже стоял рядом с нами. Нет, не радом. Хемингуэй отстоял шаг и двух или трех шагов, повернулся к нам боком и стал слушать наш разговор. Именно слушать — он даже слегка наклонился, словно нацеливая ухо на того из нас, кто в этот момент говорил (последнее я убедился, что это была его обычная манера слушать собеседника).

Создалось весьма забавное положение: всем своим видом Хемингуэй показывал, что не является участником нашей беседы, хотя речь шла именно о нем. Нам ничего не оставалось, как говорить о Хемингуэе в третьем лице.

Я повторил свой рассказ с самого начала, и снова американский писатель фигурировал в нем как отсутствующее «третье лицо». Хемингуэй изредка бросал в мою сторону взгляд чуть-чуть усмехающихся глаз, словно одобряя такую форму ведения разговора.

Наконец, не меняя позы, он сам включился в нашу беседу. Впрочем, он мог бы этого и не делать, настолько было выразительно его лицо: любознательность, недоумение и интерес, нетерпение, неудовольствие или одобрение не то чтобы угадывались, а востро и отчетливо отражались на его лице и особенно в его глазах.

Я не помню голоса Хемингуэе, помню только, что говорил он тихо — за это ручаюсь, — на хорошем испанском языке, хотя я с языком испанским столь характерным для американцев. Видимо, случайно возникшая манера беседы поправилась ему — он тоже заговорил о себе в третьем лице. Получалось это примерно так:

— Да, это он, Хемингуэй... Ему приятно узнать, что в Москве вновь изданы его книги... Интересно, что в них вошло... Он хочет посмотреть на московское издание, гласуящее типографской краской, но еще приятнее получить его для библиотеки... Убежден, что московская воля и мера настолько высокого качества, что не повредят здоровью Хемингуэе... Вам позволю, мы сможем вручить все ему лично...

Должен признаться, что именно это как раз и входило в мои планы. Думаю, что каждый из моих друзей захотел бы вручить привезенное издание писателю не в величественном вестибюле гостиницы и не в своем номере, а... Поэтому, продолжая игру, я ответил, что мне хотелось бы сделать это самому.

Хемингуэй все понял: глаза его блеснули чуть более веселой зипринкой. Протягивая мне руку, он с улыбкой сказал:

— Сеньор, Хемингуэй приглашает вас отобедать у себя дома.

Произнес самые изысканные и высокопарные слова благодарности, на которые весьма щедр испанский язык, я попросил у Хемингуэе разрешения прибыть к нему со своими друзьями, которыми он — я уверен — искренне обрядует.

Узнав, что речь идет о А. И. Хачатуряне и его студенте Н. В. Макаровой, также известном советском композиторе, он выразил свою благодарность за возможность познакомиться с такими известными людьми. (Уже дома у Хемингуэе выяснилось, что он и Мэри очень любят творчество нашего знаменитого композитора. Они показали нам большую подборку пластинок с музыкой Хачатуряна.)

Я достал записную книжку. Хемингуэй не стал диктовать свой адрес. Он решительно дваж-

ОБОЗРЕНИЕ

АБНА-ХИЛТОН

ним руки отобрал у меня книгу и записал свой адрес и номер телефона. Вот так, собственно, и начался мой разговор с Хемингуэем. Предоставил я подарил Юрию Власову. Другая запись на этом же листке, но уже сделанная мной появилась несколькими днями позже.

Хемингуэй был огромным, и, должно быть, оно сохранилось в памяти навсегда. Я же сейчас вижу этого симпатичного человека, изящного, ловкого, тонкого, дерзкого и в то же время скромного, остроумного, по-детски любознательного и в чем-то наивного, оказавшего готовым ради удачной шутки прорваться, прямо сказать, известную забывчивость.

Хемингуэй не только писателем, а потому и журналистом не терзался угрызения совести за то, что в преддверье Гаваны Сан-Франсиско де Паула оказался открытым воротом влияния «Лев-Винта», на который все же в какой-то мере принимал без предварительной договоренности.

Обстоятельства складывались так, что мы вынуждены были несколько раз перенести встречу. Хемингуэй не любил никаких репетиций, импровизированные концерты, выступления у рабочих и студентов и другие подобные мероприятия, как правило, возникавшие стихийно, заставляли нас откладывать поездку в Сан-Франсиско де Паула. Но вот однажды мы все же выехали из приемной Гаваны и примерно через час или полтора пути в стрелителю мчавшейся машине прибыли в дом, который Хемингуэй привел нас только предвещающим надписью, но и огромный железный замок.

Пока мы, не выходя из машины, рассуждали о возможном способе извещения о своем прибытии, Хемингуэй, густо куря сигарету, стоял за забором впадной стеной и никакого дома не было видно, — откуда-то сбоку появился мужчина. Не говоря ни слова, он отпер замок и мы тотчас показали, что наша машина может въехать.

Дом и окружающая его густая растительность производили впечатление чего-то запущенного, обветшавшего. Полторы дюжины ступенек из бетона — вырубками и трещинами — привели нас на небольшую площадку, отделенную от дома еще несколькими ступеньками.

Дверь дома распахнулась, и в пороге появился Хемингуэй. Он был одет в рубашку, сбегав к нам на площадку. За ним слышна Мэри.

Знакомства в обычном понимании этого слова не потребовалось. Мы лишь установили, что рабочим языком на кубинской земле может быть только испанский язык, предварительно отгнав большинство голосов предложение Армы Ильяча говорить в тот день только по-американски.

Мэри была выведена под руки супругов-коллегистов, она пошла к нам. Мы с Хемингуэем шли за ней. Как бы в продолжение шутливого разговора о наших языковых возможностях Хемингуэй загораживая подмигнув и прошептал мне на ухо: — Какое тебе испанское?

— Кто вас научил этому? — поинтересовался я.

— Советские таксисты, в Исландии. Отличные были парни!

— Какое это-либо говорит по-русски? — не без опаски спросил я у Хемингуэя.

— К сожалению, нет. Уж очень трудный ваш язык.

Итак, мы переступили порог дома Хемингуэя. Мы были в так называемом «доме», который Хемингуэй купил как свою обителью (име кажется, что мера эта абсолютно разумна: ты сразу же узнаешь, куда тебе можно идти, а куда нельзя), — Гаваны. Лишь как только мы вошли в дом, я и Мэри. Прежде всего оно показалось, как и сад, как и фасад самого дома, немного запущенным, чуть-чуть обветшалым. Он не был старым; он был всецело обременен, обременен такой естественной и бесстыдной, что без нее жилось даже превратился бы в музей, официальную контору или зал для торжественных приемов.

Узнавая, с какой смелой, глубокой кресла, в которые неудобно «проталкивались», но в которых удобно и покойно сидеть; точно такой же огромный диван, разделявший полуметр пополам большую острую спинку, такой естественной и бесстыдной, что без нее жилось даже превратился бы в музей, официальную контору или зал для торжественных приемов.

форме и по содержанию бумажки. Сюда же припрятаны и напечатанные в типографии листки. Стены гостиной висела огромная старая карта, стоял большой столик с пластинками. Мэри вышла на кухню, где раздавала «дольщики» подарки с музыкальной Хачатуряна.

Мы перешли в другую комнату, сплошь уставленную стеллажами с книгами: книги лежали также на столах, на стульях, на полу. Везде — на столах и стульях, на полу — шкуры и рога, рога и шкуры. Посреди комнаты лежала шкура огромного льва.

Когда мы стали исследовать размеры шкафов, мы обнаружили сраженного пулей козлина дома, но, к нашему удивлению, расцвела улыбкой, показываясь нам открытою самоудовольствием. Это настолько на нас действовало, что мы, не считаясь с его криками — шкуры и рога, рога и шкуры. Посреди комнаты лежала шкура огромного льва.

Потом мы оказались в спальне Хемингуэя, которую мы назвали «кабинетом писателя». В кабинете Хемингуэя. Здесь также посуду лежали книги, но к ним добавились еще и чистые и исписанные листы бумаги. Во всем кабинете беспорядок, беспорядок и беспорядок, нарушение которого обычно крайне болезненно воспринимается хозяином данного рабочего места.

У окна стояла конторка — простое подобие стола. Именно здесь трудился Хемингуэй-писатель. Мы попросили его рассказать о том, как он пишет свои книги.

— Как и литературу и облекается на мою правую руку, он как-то удивительно просто, без всякой многозначительности, по-деловому и даже с некоторым оттенком усталости (не признавая, что усталости, конечно, нет), которое иногда ощущает человек у своего рабочего места, даже не приступая еще к работе) стал говорить в своей обычной немногословной и язвительной манере.

«По-стариковски» стоял он рано: делал небольшие разминки, курил, судя по его рассказу, была под силу лишь короткое тренировочное спортивное занятие, которое он выполнял по утрам — каждый день; прежде, когда был помоложе, кончал писать далеко за полночь; теперь — к полудню или к часу уже заканчивал работу и бросал все написанное в корзину. До сих пор он не изменял и показывал на большой ящик, в котором лежали книги и лачки исписанных на машинке листов бумаги. Днем и вечером к рабочему месту он не подходил (это подготавливало, что он не подходил к рабочему месту специально освещенная люстра). В написанное не глядя вперед иногда по месяцу, а то и больше, чтобы рукопись могла бы и затеивалась.

Потом, когда пришло время, первый вариант подвергался обработке. Иногда после этого в нем не оставалось ни одной фразы от старой рукописи, но в корзину он уже не возвращался. В некоторых случаях, когда писатель забывал о том, что им уже написаны главы или рассказы, и писал их заново. Иногда он просто не находил рукописи, сержился на то, что кто-то ее похитил, а потом начинал составлять ее заново, «вместавляем Мэри», была ли она им написана вообще.

Мы спросили у Хемингуэя, правда ли, что он решил некоторые из своих наиболее популярных рассказов романом, который он называл «переворот», не только стилистической — в то время об этом много говорилось в западных литературных кругах.

Хемингуэй не ответил. Он задумчиво посмотрел в окно. Потом пошел на поллитр привезенные нами книги — все это время он раскрыв с собой, в левой руке или под мышкой, носил их в сумке, в ней и попросил перевести название опубликованного романа на русский язык.

Дело это оказалось не таким простым, ибо я не знал названия в оригинале многих рассказов, и переводы с русского на испанский или английский Хемингуэй приходил придумывать и искали Хемингуэй радовался возникавшим при этом курьезам, но, как мне показало, перенести произведение он остался не совсем доволен. Хотел написать роман, который назывался «переворот», и не успевал его (вероятно, он имел в виду роман «По кому зовут колокола»).

Узнав, что предписано к сборнику рассказов Ивана Александровича Кашинкина, он сразу же обрадовался, словно ему легче стало, и обратился к нам, сказал:

— Если вас действительно интересует творчество — творчество Хемингуэя, читайте русского Кашинкина.

Нам показалось, что этими словами Хемингуэй не только выразил свою признательность извест-

ному советскому литературоведу, но и попросил советские гости не возвращаться больше к теме о Хемингуэе-писателе.

Прежде, за обедом (а по-нашему —ужином) во время обмена разговора о судьбах современного искусства, Хемингуэй, формулируя задачу, как бы, не имела никакого отношения к его творчеству, или, вернее, творческим планам, но я все-таки принял ее (возможно, что я ошибся) как ответ на вопрос, заданный писателем ранее в его рабочем кабинете:

«Литературный стиль изменяется не только от поколения к поколению. Сами писатели переживают свои стили, и поэтому им приходится необходимо переживать собственные произведения, чтобы вранее творчество не противоречило бы своему периоду. Но идет ли это право писателя много единственной фотографии, замечательнейшая — встречу Хемингуэя с Хачатуряном и его супругой.

Хочу предупредить читателей, что привожу эти слова писателя по памяти, но думаю, они довольно точно передают смысл сказанного им тогда.

Об обмене мы говорили по поводу Хемингуэя, посидели на скамейке у Бассина, в котором плавали лишь ошавшие «зимние» листья. И казалось, что мы находимся в гостях у старшего и доброго друга, которого мы давно знали. Хемингуэй в «дом» со своим Хемингуэем растет гигантское дерево. Оно стало здесь еще до того, как на острове выскрились первые европейцы. Здесь и был сделан много единственной фотографии, замечательнейшая — встречу Хемингуэя с Хачатуряном и его супругой.

За обеденным столом мы много говорили о советской литературе. Хемингуэй не только не отказывался от разговора, но и признался, что уже давно ничего не читал из новых произведений советских писателей: их просто невозможно было достать в дореволюционные годы. Лишь однажды, когда мы пошли наза, он несомненно пополнил из Сантьяго советскую книгу. Какой-то неизвестный друг написал, что книгу ему привез один из моряков советского грузового корабля, находившийся в Сантьяго, и воспользовались этим, советский моряк попросил книжку переслать Хемингуэю свою книгу!

Именно во время этого разговора Хемингуэй высказал пожелание, если представится возможность, прислать ему переводы наиболее интересных книг и подборку издаваемого на английском языке. Я вынул записную книжку и на том же листке, на котором Хемингуэй написал свой адрес, сделал пометку о его просьбе. Так моя запись по недоразумению стала принадлежать «перу» Хемингуэя.

Тема беседы сменялась. Мы с восторгом говорили о новой Кубе. Конечно, нам хотелось узнать, как знаменитый американский писатель, промчавший много годы на Кубе, относится ко всему происходящему на «Острове Свободы».

Хемингуэй сказал, что на вопрос этот он не считает возможным ответить, поскольку то, что произошло на Кубе, — дело самих кубинцев.

— Я знал Камилло Сентромуго, — добавил Хемингуэй, — он жил здесь, в Сан-Франсиско. Там, откуда он выехал в Кубу, это место, где жили американцы, которое кубинцы прозвали «трагедией №2», Камилло играл в баскетбол или баскетбол. Это был хороший парень, толстый, как и я, и перелетел туда, было очевидно, что он туда пошел, падал к нам. Он все — честные и мужественные люди, а это не так уж часто случается среди местных правителей! — Подумав немного, он добавил: — Впервые на Кубе в власти стоят честные люди. Это и есть самое главное.

Поздно вечером мы распространились с Мэри и дочерью Эрнесто.

Мы и дальше вспоминали о нашем друге, трагически ушедшем из жизни.

Впрочем, почему трагически! Когда сухие газетные строки сообщали о его смерти, сразу же появлялись в журнале удивительные фотографии человека: такие хитрые, но не злые; улыбчивые, но не смеющиеся... Узнав про свой страшный недуг, этот человек не мог поступить иначе: не в его характере было овладеть, что случилось, но концом. Он сам пошел на встречу со смертью, оставив навсегда в памяти людей образ живого Хемингуэя.

Если я не ошибаюсь, этим «морем» был писатель И. И. Михайлов, ходивший в протестном отношении к Хемингуэю, но это уже другая история.

«Соблазнитель» Николаев, то есть мой. Так на Кубе называют автомат — проигрыватель пластинок.

ОТКУДА В

В мастерской Мазин поднял свечу к лицу Матвея. Егерь прищурился и наклонился над тахтой.

— Шестнадцатый калибр, не иначе, — полезил он профессионально. — Да и ножик еще. Ножик эри. По мерзкому резади, крови-то нету. Эх, жизнь человеческая, сегодня жив, завтра нету. Кто убил, нужно понимать, но знаете, раз меня испытываете...

— Воскрать было нечего.

— Сам-то что скажешь?

— Ничего не скажу. Несжиданное дело. Милицы нужна.

— Связи нет.

— Ну, сбегаю. Местечко знаю. Там лихта над скалой сломянная. Если петлю закинуть напровую, можно на тот бок перескочить. Только повету.

— Хорошо, Матвей. Отдыхай пока.

Филипенко повернулся было, но остановился и еще раз оглядел мертвого Калугина.

— Ножик интересный. Валерий таким бутылку открывал. Но не один же он такой на свете.

— Не один, — согласился Мазин. — Нож вынуть придется, Борис.

Сосновский достал носовой платок и извлел нож из ямы.

— Нож любил у Валерия. Что предпримем?

— Самое простое — спросим у самого Валерия. Как тебе показавал Филипенко?

— Хаотичный человек. На каком он счету в запоевнике?

— Выгнать хотят за браконьерство. Ну, идем к Валерию?

— Сначала к хозяйке.

Марина Калугина не спала. Она сидела на кровати в спальне и вала, механически перебирая спицами.

— Заснуть невозможно. Пытаюсь забыться, занять хоть руки. Чувствую себя ужасно. — Она медленным всплеском в зеркало. — Борис Михайлович, скажите скорее, пригодились ли, что вы сделали?

— Прокурор-то ваш — человек пронизательный и ловушку расставил умело, — заметил Дежяльм, заваривая чай.

Короткая летняя ночь шла на убыль. Машин присел на скамеечку перед каминном и принялся разбивать когочерой несгоревшие поленья. Дрова дымились, выбрасывая из-под пепла темнокрасные искры. Потонуло тепло.

— Не слышишь, морозе всего ни при чем, хотя и ложится в схему. Если вспыхнет, что его отнесения с мачевой сомнительно, получится типичная буржуазная судобная хроника. У них там процветает! А тут колдуют, пока не обнаружат, что убийца — старик Демьянчук, который застрелил Калугина потому, что тот необдуманно отозвался о качестве его меда.

— Такой вариант нам не грозит.

— Не гаси но мое чувство юмора, Борис. После трудового года не так-то просто отыскать оптимальное решение в этой дикой ситуации.

Мигор Николаевич снова занялся поленьями.

— Не слышишь, модаде люди?

— Борис обернулся. Его давно не называли молодым человеком. Из своей комнаты вышел Кушнарев.

— Не слышишь, — согласился Сосновский взглядом, показывая, что к болтовне он вовсе не расположен.

— Разрешите пободствовать вместе? — не удержавшись, архитектор. — Вы, доктор, давно навещали Михаила?

— Калугину доктор не требуется, — ответил Машин.

Кушнарев захмурил кустистые, сходящиеся на переноске брови.

— Как прикажете понимать?

— Убит Михаил Михайлович.

— Вот как. — произнес архитектор почти без изумления.

— Убит, и преступник неизвестен, — подтвердил Борис Михайлович.

— Вас это больше всего волнует?

Игорь Николаевич удивился.

— Разве вопрос, кто убил Калугина, незначительный?

— Важнее знать, почему? А вы спешите на расправу.

— Возмездие не расправа.

— Возмездие? Немного изменили слово «месть», и вам уже слышится благородный оттенок?

— Как всегда, оригинальный, Алексей Фомич? спросил Сосновский.

— Нисколько. Я никоим образом так мыслить. Мне привычно это.

— И вы простили?

— Не слышу о том ступе. Мне нанесли зло испорченным. Повесит ли кару виновные или нет, моя судьба не поправится. Что же даст мне мстительное злодейство? Только очерстит душу.

— И в том же Милте-Кристо. Любая мсть, даже во имя справедливости, порождает новое зло. Где же конек?

— Мсть и правосудие — вещи разные. Убийца нарушил закон...

— УК РСФСР? — перебил Кушнарев с иронией.

— Именно, — ответил Машин серьезно. — Что толкнуло его на преступление, неизвестно. И его следует задержать, чтобы узнать истину.

— Истину? Вы самоуверенны. Ну что же... Только без меня.

— Мы полагаем, что Калугин был вашим другом.

— Михаил кормил меня, он считал это долгом, хотя и не только из-за благодарности...

— Что это значит?

Старик подумал, стоит ли пояснять.

— Долг не имеет отношения к смерти Михаила. Просто, когда он был неизвестен и мог навсегда остаться неизвестным, в то давно прошедшее время мне понравились его рисунки и я сказала об этом.

— Авторитетным лицам?

Кушнарев усмехнулся.

— Нет, самому Мише.

— Выходит, человек любил вас, поддерживал? — настаивал Сосновский, — и вот он зверски убит. Сначала выстрелом в сердце, потом еще раз выстрелом, потому что убийца свое дело не довелось до конца. Неужели не было достаточно, чтобы вызвать ваш гнев?

— Архитектор ирриво заморгал.

— Как понять ваши слова? Вы обманули нас вечером? Когда сказали, что Миша жив?

— И хотел посмотреть, как поведет себя преступник?

Старик выпрямился.

— Мне отравленные такие люди, как вы!

И Кушнарев, круто повернувшись, выбежал из комнаты.

— Непорядочный старик, — буркнул Борис смущенно.

— Ну, ладно. Пусть печально камин догорит. Пошли к Валерию.

— Странно, что он сам не появляется. Слеником крепкий сон для такой ночи. Впрочем, кто-то идет. Лозунг ни фабулы.

Сосновский облизнул губы. Простая глупая, в гостиную вошел Олег. Он увидел людей за столом и надел очки. Заспанное лицо обрело свойственную ему деловитость.

— Доброе утро. Дежурили у больного? У арача отпустили бы сейчас? А вы собираетесь в расписную речку посмотреть самолет. Но дождь...

— Сходите в другой раз.

— Мне нужно.

— Нужно? — переспросил Машин.

— Да. Я журналист, работаю в аэрофлотской многогитарке.

— О. Поти летчик, — заметил Сосновский. Олег не среагировал на замечание.

— Иногда в форме принимают на летчика. Одноразовые сидят и в Батуми, ресторанах.

— «Порядочный парень», — думал Машин, глядя на Олега. — Ему должна идти форма: синий жилет, фуражка... Но где я слышал его голос?

Неужели? Сам подкалывал? Батуми, ресторан. Парень в своем платье и одной ножке, тур-тури. А он, Машин, лет «Инцидальди» и с удовольствием закумывает вкусной, острой азелюю.

Зелень, лежит на тарелке длинными лучками, и берет азелюю, чтобы сделать салатик, и съедает маленькими кусочками, заедая кислом, холодное, веселое вино. А рядом громко, потому что выпили, слова доносятся резко, мешают спокойно сидеть и пить спокойно мешать. Гримасы, отрывистые слова разражаются, не задерживаясь в мозгу. Не думал он тогда, что слова эти придется вспоминать.

— В прошлом году? Ковыля и вил?

— Армийский. Пельм — и все становится снам.

Но говорил он сумбурно. Говорил о самолете. Сбитом самолете...

— Вы видите, что это тот самый самолет? Калугин самолет? — удивился Олег не очень убедительно.

— Машин не собирался выдавать себя за Волфила Мессиня.

— О котором шла речь в ресторане. Я сидел за соседним столиком.

— Ну и совпадение! Вы все слышали?

— Бывает и похлеще, — ушел от вопроса Машин, потому что запомнил на разговорно немомо.

— Кажется, вы затеяли поиск журна Сайн-Грегориуса из «Духа капитанов»?

— Он повторялся тогда: «Помните, я уверял, уверял!» А грузин поддерживал: «Правильно, дорожно, правильно». Больше Машин ничего не помнил, да и стоило ли вспоминать? Зачем ему этот самолет в горах? Особенно сейчас.

— Побуду уюсом, — сказала Олег, не распространив о Сине Грегориусе. Он повернулся и заметил нож, лежавший на краю стола. Рукоятка выглядела из-под палатки.

— Откуда здесь этот нож?

— Вы?

— А то чей же? Мне подарил его парень из иностранной делегации.

— Этим ножом пытались убить Калугина.

— Побуду уюсом? — говорил уже про жулика. Про несчастный случай.

— Из ружья Калугин был застрелен. А ножом его пытались убить вторично. Тот, кто думал, что Михаил Михайлович не умир. Вам придется объяснить, как попал нож в руку убийцы.

— Что на комод? Калугина убил? И меня запугиваете? А вы ничего не обманывайте. Вы здесь такой же посторонний, как и я.

— Не горничные, Олег? — прервал Машин. — Я полагаю, в ваших собственных интересах объяснить, что вы воспользовались ножом?

Олег кивнул губами.

— Вы не разглагольствуете меня? Неужели убий? Нож я никому не давал.

— Ножом открывал бутылки Валерий, — напомнил Машин.

— Это ерунда. Открыл и отдал.

— Хорошо помните?

— Разумеется. Я положил нож в карман.

— А дальше?

— Не помню. Увидел его у вас на столе.

— Постарайтесь вспомнить до приезда милиции.

— Комлот, — повторил Олег.

Машин встал со стула и задул свечу. Комнату наполнил свет ледяного утра.

— Побуду поглажу ногу, — сказал он Борису.

— Отчасти. Вашего мужа пытались убить еще раз. Вот этим ножом.

Марина бросила спицы на туалетный столик.

— Вы видели... кто?

— Нет, не видели. Но остался нож. Он не знаком вам?

— Она смотрела на нож долго, будто не понимала, чего же от нее хотят, но, когда собралась, ответила быстро, торопливо:

— Никогда не видела. — И повторила: — Никогда.

Вечером за столом Валерий открывал бутылки...

— Бутылки? Ножом?

Машин, отвернувшись, рассматривала бездельничавшую в тубочке. Их было много — матрешки, индийские будды, спутник с юсками-автентичными, изящными Медифотель. Они двоялись, троялись, отражались в трельяже. Хотелось сдвинуть створки зеркала, убрать лишние, иллюзорные предметы.

— Вы его подозреваете, а помните, — слышал он голос Марины и не мог оставить определенное мнение об этой не столько убийной горем, сколько испуганной, ослепленной сероголовой женщине с короткими, чуть подкрашенными, бронзовыми в свете лампы волосами.

— Это не его нож. У Валерия никогда не было такого ножа, ведь в доме, в семье все на виду. И он обманывал вас. Я думала всю ночь, но никого... ни на кого не могу додумать.

— Мм, и сожаление, тоже.

— Особенно на Валерию... Михаил Михайлович очень очень любил и Валерий, тоже.

— Это не имеет никакого значения, что ни период.

— Машин оставил бездельничавшую.

— Валерий перешел Михаилу Михайловичу?

— Да, он сын его первой жены.

— Он знает это?

— Конечно.

— Никогда бы не подумал! — признался Сосновский. — Михаил Михайлович очень напоминал ослепленного родителя, чем отчима.

— Но слушался и сорыл? — спросил Машин.

— Но слушался. Трудно даже вспомнить. Отец говорил: «Сегодня чудесный день». А Валерий: «Нельзя так примитивно воспринимать природу». И раздражаются, злятся.

— Несложно воспроизвести? И за этим не было ничего более определенного?

— Что вы хотите сказать? — настаивалась Марина.

— Борис Михайлович, Марине Викторовне трудно бы было ответить на вопросы... Постарайтесь заснуть. А мы пойдём ночью, если не возвратятся.

раниях поставили! «Верно, Галка, — отвечает, — потому и назвали. А удержаться не смогу. Душа загорелась. Смотрю — стою на скалах. Пока сообразил, а карабин сам полетит...»

— Карабин?
— Думаете, Матвей в горы с ружьишком ходит? Ружье для инспекции. У него в лесу вышка в тайнике, и патроны в шкафу. Здесь немцы и перебрались в районы, так вышка до сих пор оружейники найти не могут. Стрелять у нас любят... И выстрелают?
— Еще как! Однажды Матвей проучила. Рассказывает: вот я стрелок, а ты с десяти шагов в горле не поводишь! И ему и говорю: бросай фуражку! Он подбежал, от нее один козачек остался. Посмотрели мы бы на его рожу!

Галина поджала, придравшая заднюю ногу колодезь кобыку.
— Нужно все ж поведать Олегу. А то его одного понесет!
— Смихтанцкая девушка. Подозревает ее не лето...

— Маши спустился со скалы и пошел вдоль реки, поглядывая на горы замешанную глиной сползающую воду. «Интересно, что продвинула Галка? И сумел ли Матвей переправиться?» На это Галка эту мысль, он поспешал на бардак, уютный и вяду валуш.
— Даденька! На тот камень не вставляй. Подмало его.

Игорь Николаевич увидел выскочившего парня одного в дилншуку, с отцовского ячма стеганку и фуражку с золочеными листками омлебой, сползающую на уши.

— Почему ты решил, что я ползу на камень? — Да вы ж на него смотрите и ногой примеряете!

— Нужно быть очень наблюдательным, чтобы заметить непривычное движение!
— Спасибо, друг. Как тебе звать-то?
— Коля.
— Николай Матвеевич?

— Угадай больше негудно. Шупый паренек как две капли воды походил на Фляченко.

— Это сколько же тебе лет, Николай Матвеевич?
— Четырнадцать.
— Ого! Комсомолец уже?
— Нет, пионер еще. А вас как зовут?
— Маша, Коля, зовут Игорь Николаевич. Ты здесь форель ловишь?

Паренек улыбнулся городской наивности.
— Форель под плотной клевет... А это правда, Игорь Николаевич, что дядю Машу убили?
— Вот жалко. Он здесь самый лучший был.
— Самый лучший? Почему? Он рисовал лучше?

— Нет... Хотел парисовать, но я неусидчивый. Не вышло. Зато мы с ним на охоту ходили. Дядя Маша, правда, никого не убавил. И стрелять не любил. Ходить любил, рассказывать. Про войну, как он воял. Про Моску, про художников-авантюристов. Стриваю он очень любил. Знаете «Переход Суворова через Альпы»?

— Знаю.
— Обшая мне звать в Моску, в Гретьковскую округу. Он и любил мы с ним ходить! Особенно на Красную рекуку.

— Почему на Красную? Это красный место? — Не в воде красная. Река на озера водоподом прибывает. Налитая красная вода. Потому и реку Красная называют. А вообще-то она не красная, обыкновенная. А на горе ни за что не взоити. Зане, как можно увидеть озеро?

— Нет... ответил Маша, с удовольствием слуша симпатичного пареняка.

— Нужно на Лысуго ложиться. Она выше озера. Сидеть в болоте сверху здорово вредно! Там вода не протает, синие-синие пятна. У дяди Маша было бы двенадцатипятитри. Заберема мы на Лысуго, он сидит и смотрит дождю дождя.

— А самолет Маша Михайловича не видел?
— Нет... Никуда не видел. Отец первый. Когда лавина прокатилась засыпала.

— Зачем этот вопрос? Чем мой путь лучше версии Борна? Он стремился к упорядочению, я усложняю. Но где же все-таки Валерий?

— Ты, Коля, не встречал сегодня Валерия Калугина?
— Нет.

— Каким вы в горы ходили?
— С Валерием? — спросил мальчик, не скрывая пренебрежения. — Куда едут? Ленивый он. Шашлык любит. Купит мяса и жаривает на поленке... зарежется Коля, и видно было, что пошел с мяса с его сына окопника, точки огня, щепь неслезная.

Машин улыбнулся.

— По горам, значит, не ходок? Куда ж он сегодня девался?

— Да спит, наверное, в хижине.

— Там?

— В хижине. Тут рядом с колхозной пашковой домик ничейный. Его как дядя Маша отругал, он туда, валется на кровати.

— И в комнате?

— Походите... охотно согласился мальчик и сразу запелась вперед, ловко выбирая камни прощупывая и поспе.

Она обогнула залуанский дом стороной и вошла подгултенный лес.

— Далеко еще, Николай?

— Вот, Игорь Николаевич!

Посреди просторной поляны зеленое застарелое чинило неслышно сверкло. Посреди него лавала дверь с привинченной ржавой ручкой, никому в этих щедрых лесом местах не нужная, а за озером Маша увидел покойный на другие доски под тусклой крышей. Над крышей поднималась струбина спянутого неуверенного дыма.

Машин пошел вправо, охотно. Ему хотелось взглянуть сначала в мальчику, но ближе оно оказалось закрытым, и он остановился перед лавкой, прощупывая металл, полагая себя на то, что ждет чего-то неожиданного. Дверь отворилась наружу. Игорь Николаевич потянул ее и остановился на пороге. На расслышавше, поспешно отворилась металлическая дверь, и человек, уткнувшись лицом в подушку, Машин схватил его за плечо.

Валерий повернулся и сел на койке, уставившись на непреходящий свет недовольным взглядом.

— Что вам нужно?

— Простите. Мне показалось, что вам нехорошо. Ваша поза...

— Моя поза никого не касается. Зачем вы пришли?

— Возможно, вы не знаете...

— Все знаю.

Машин подвинул нарастающую неприязнь к хитрому мальчишке.

— Если у вас все в порядке, не буду мешать. Убирайтесь!

— Вы не гостеприимны... дергается Машин.

— Как вы развели ушаки, отпусти... Он вдруг вскопчил и схватил ружье, стоявшее у стены... Убирайтесь отсюда, слышите? А то я всежу вам дробь в брехо.

Игорь Николаевич шагнул вперед и сделал быстрое движение. Валерий отлетел на расслышавше, а ружье стукнулось об пол. Машин поднял его и вышвырнул патрон. Валерий ошеломленно наблюдал за ним с койки.

— Почему вы не идете к окну?

— Кто вам сказал о смерти отца?

— Ну, Марина сказала.

— Кого?

— Сразу же после того, как ваш друг затеял свой идиотский эксперимент. Спустился вина и скавала. Нужно ж ей было с кем-то поделиться. Она-то не прокурор, у нее нервы есть.

У Борна Михайловича тоже. И он не прокурор, как вы все знаете. Он делал все, чтобы разоблачить убийцу вашего отца. Разве вы не знаете, чем кончился «идиотский эксперимент»?

— По какой физиономии вижу, что никто вы не знаете.

— Вы отличнейший физиономист. Однако Калугина пытались убить еще раз тем самым ножом, которым вы открыли бутылку.

— Нож я брал у Олега. Да что вы плетете! Это не правда!

— Вы возвращай нож?

— Черт его знает. Наверно. Зачем он мне нужен! Оставьте меня в покое. И не воображайте себя орошеном Куаро. Тут и вишневый зубцы сломает, будьте уверены. Не по губам орешек. Не сумочку вытаращи.

— Вы говорите так, будто имеете определенные основания.

— Никаких предположений! — выпрыкнул художник и снова сменял тон. — Вам-то зачем это, доктор? Это нас касается, меня. Не вмешайтесь вы не в свое дело. Отдыхайте лучше.

— Спасибо, — ответил Машин.

— А я пойду. Хорошо, что вы меня разбудили.

И Валерий вышел из домика.

«Чужой паренек», — вспоминал Игорь Николаевич себя, — Он нервничает, он раздражен. Это понятно. Но что у него на уме? Что знает, что нас касается, меня? Или ничего не знает?»

Машин приоткрыл в окно и снова увидел залуанскую лавку с плавающей дверью и густой туман, скрывающий горные склоны.

— Вы его обязательно найдете, Игорь Николаевич, — сказала Коля.

— Кого?

— Ктобы. Я договариваюсь.

— О чем же ты договариваешься?

— Да как вы и Валерия ружье вышибли, и я договариваюсь, кто вы.

— Кто ж я, по-вашему?

— Вы и дядя Борня на ясу ходили, — заговорил Коля, спеша объяснить, о чем он договаривался, — и дядя Борня меня похвалял. Говорит, ты следовый настоящий, тебе бы в уголовном розыске работать. А я слышал, что сам милой преступником поймай! А он говорит: я мало, но у меня друг есть, он особенно опасный дурак. Я тогда еще подумал, вот бы на его друга посмотреть. А как вы приехали, я все думал, вы это и сделали. Ну, я как вы ружье вышибли, понайд — тотное.

— Радовалась ты меня, однако.

— Игорь Николаевич, а вы специально приехали? Вы пришли, чтобы убить кого-то?

— Нет, синюс. Я отдыхать приехал.

— А можно я вам попомогу буду? И никому не скажу, кто вы, честное пионерское!

— Он не успел ответить, когда, полый слышавше, раздался выстрел. Потом уже Машин востановил их последовательность. Вначале же он услышал только звук разбитого стекла в окне. Но на секунду ему предшествовала выстрел, и тут же что-то гудело в воздухе.

Машин инстинктивно, еще не осознав сдвинувшую боль под мышкой, прыгнул Коло к полу. Другая рука его потянулась за ружьем. Потом он выгнулся в окно. Своего рабство стекло такую свежее, сырым лозодом. Воздух был спокойно и тихо. Стреляли из ближних кустов, только оттуда можно было рассмотреть в тумане силуэт в окне. Там скрывались стрелки. Что он намеревался делать? Присид в хижинку? Покосить в лес? Или будет ждать, пока кто-нибудь выйдет на поляну?

Спутница выстрелом, загудела в чаще выскочило избушкам отсюда. Машин ступил назад. В руке было отверстие. Но болело не сильно. Видно, заряд адет только кожу. Рубанца испугала кровь и неприятно липка к телу.

— Равили вас, да? — спросила Коля шепотом.

— Задело.

Игорь Николаевич продолжал наблюдать за лесом. Похоже, стрелок решил выждать или скрываться, стрелки приехали и упустили ружье. Парашника, к счастью, не особенно досадала.

— Коля! Сидь к стене ниже окна и жди меня. Ясно?

Он осторожно открыл дверь. Осмотрелся, перебежал и укрывался ближайшим деревом. Редкий лес просматривался на значительном расстоянии, но стрелять было трудно: деревья нерекрывали приметные линии. От дерева к дереву он продвигался по направлению к кустам, осматриваясь при каждой остановке. Вот и заросли орешника. На ветках гудели птицы. Машин сделал последний бросок, готовый немедленно отступить отсюда, если выстрел, и отступил на каменную площадке среди кустов. Площадка была пуста.

Машин нагнулся и подобрал желтоватую тенную гильзу. Ни отверстия тиную порохом. Это было тиную гильзу, с характерным жемолком от немецкого доброго карабина военных лет. Видимо, стрелавший специально скрывался, раз не нашел ее на земле. Куда же он мог уйти? Каменную площадку была частью тропы, ведущей в горы. Преследовать стрелка должно было бессмысленно. Он мог укрыться за любым камнем и встретить пулей в упор. Машин вышел из кустарника и направился к домику, не выпуская ружья из рук.

Коля в комнате не было.

— Николай! — позвал Машин.

Здесь я, Игорь Николаевич, — появился паренек.

— Зачем выходишь?

— Дожидаясь ответа, Машин достал перочинный нож и вынул из домика глаз.

— Как вышло, не слышала? — спросил мальчик, не выходя из комнаты. Николай, главное — дисциплина! Ты нарушил приказ, а и больше не могу тебе доверять. Отправляйся домой!

— Это произошло жестоко, но не мог же он сказать, что в тот день, когда он ушел, мог попасть в тебя! Машин ожидал возражений, заверений, что мальчишка не станет больше совмещать, однако Коля глянула на пулю, наступила и молча пошла к двери.

— Пусть лучше обжарится. Рисковать вы и не имеете права».

В руке стало липко. Кровь, сочившаяся из раны, добралась до локтя. Игорь Николаевич скинул пиджак и рубашку и подошел к вентру с водой, что стояло на табурете за дверью. Он опустил туда кружку, когда за стеной послышался шум.

Маши скакали ружью и стал в протестной. Человек за дверью остановился, не решился войти. Последовала длительная пауза. Было очень тихо. Только птицы в зарослях никак не могли улететься. Потом дверь скрипнула. Человек на пороге, одетый в дождевик с поднятым капюшоном, осмотрел помещение, никого не увидев и сделал шаг вперед. В тот же миг ствол ружья ужался ему в бок.

— Игорь! — только и смог прокричать Сосновский, увидев окровавленного Машина с дуэльной в руке. — Что с тобой?

Машина выся со стола и молча протянул ему пулю.

— Не могу представить, что тебя могли убить. — Сосновский смотрел на рабитое стекло. — Я вышел сюда в поисках багетера. Он был здесь. И мне не понравилось то настроение. Что-то в голове у него крутится тревожное и небезопасное. Но к откровенности не склонен. Однако что за идилл вамалуда сводить счеты со мной?

— Кто-то разгадал нашу хитрость, сообразил, что ты опасен.

— Возможно. Хотя никому я сейчас не опасен. Появился здесь этих людей, я заключаю: среди них нет убийцы. И ошарашен. Ты был здесь, что ты слышал?

— Матвей ушел в район.

— Проверить, где он находится сейчас, невозможно.

— Если Филинко придет в милицию в середине дня, значит, он в дороге. Придется уточнить время его появления в райцентре.

— Что ты хочешь предпринять? — спросила переночевавшая на тропинке идилл овера.

— Что тут страшное у вас? — сбился Матвей, как только вошел в домик.

— Странное кое-что. А ты почему здесь?

— Наху поехали. Вода идет нежданно. Бредок подейств — снежит, как шепку. Вернулся я, значит, а Николай так и так, говорит. Выходит, стреляли в вас, Игорь Николаевич?

— Было дело, но я показал страдальку. Пулю мне на память оставил и скрылся. Говорил тебе Николай про пулю?

— Скавал.

— Почему жалелся?

— Показал, если можно.

Маши положила пулю в большую корягу, корягу ладонь Матвея. Ему показалось, что валды егерь дрогнули. Пуля исчезла в ладони, Филинко начал кукал. Потом посмотрел, но белга и опустил руку?

— Знакома? — спросил Игорь Николаевич с умеренным любопытством.

— Да нет... Так с одного раза не поймешь.

Пожалуйста бы, сравнить — можно?

— Хочешь оставить пулю у себя? Пожалуйста. Не возражался, Игорь Михайлович? — Он встретился взглядом с Сосновским.

— Длинненько бы, сравнить — можно? — Заверя я утра попуталась или непернатка. А сегодня бе толку. Про стрельбу, как бы понимаю, лучше помякнать?

— Лучше.

Он покосился, оставая на полу следы грязных кирзовых сапог.

— Покудова, значит.

Маши повернулся к Борнеу. Сосновский смотрел на него оживленным.

— Не перекут Игорь? Ты явно дал понять, что подорываешь его.

— Все на месте. Судя по реакции, Матвей Филинко — человек эмоциональный, горячий, как говорится, иногда жестокий, но не хитрый. Не его это стелка.

— Еще бы Хорнито, что пуля осталась у нас.

— У нас? Обищившая. Пуля, что лежит в твоей коряжке, даже не тронула пулю, что пригнуралась в ней ладонь. Ниона плещ, между прочим. Уверен, что не немецкая пуля.

Сосновский открыл короб.

— Ты прав. Пуля от старой трехлинейки. А твоя?..

— Уж на дне гурда скорее всего. Матвей не так глуп и не настолько сепатимстелен, чтобы хранить ее как сувенир.

— И ты позволил ему спойнобичко проветри эту операцию?

— Спойнобичко? Ну, нет. Нервничал он нагледно. Сидел в кресле. Выходу Стрелы из его карбина. Помимо того, что пуля немецкая, на ней была зарубка, личная метка. Наверно, такие значки нарезаны на всех его пулях. Ожогичные тишесные. Вдруг узнал Игорь Николаевич, что пуля. Но ни он, ни Матвей не знают, что мне известно о карбине. Правда, парень догадался, что я не доктор.

— Колька?

— Представь! Очень неподходящий мальчишка. Но сказал ли он отцу, что я, не верю. Почему? Неизвестно, как он относится к выстрелу, подозревает ли в участии отца... Да и слово дал проносоро. Но то мы выясним. А пока Матвей узнает, что я знал и пуля у меня. Не считаясь с риском, с аэдой простодушной одерзостию оно пытался завоуачить.

— Нахилл напросило.

— Вспомом. Значит, пришло. Сейчас он доволен, уверен, что липил на доказательства. Но это чистый самообман. И недостаток информации. Он не знает, что я вышел и гильзу. Иначе Матвей не был бы тут же немецкой, только бе метки. Так что полчаса мы отыграли. Теперь поабабедим.

— Да, но наши доказательства относятся к карбину, а не к его хозяину. Самого Матвея они конечно даже обеляют. Глупо на его месте стрелять меченой пулей, непростительно бресте гильзу. С другой стороны, человек прамодельный и эмоциональный сначала летает, потом обрабатывает. Убиз тебе, он мог бы называть пулю.

Маши незлобно провел рукой по телу.

— Знаешь, Борис, твои слова по-новому впечатляют. Это хлос. Из чего вышло? Убийство у Каулуина — продуманное, подготовленное, дело рук человека хладнокровного, расчетливого. Так? А если наоборот? Погас свет. Кто мог это ожидать и предвидеть? Огню может заставить не предвидеть на оглазку. А убийца поднимается и, несмотря на огромный риск, распространяется с Каулуиным за считанные минуты. Генеральный расчет? Или дурак считает? Реальность у этого стрелка, во всяком случае, весьма маленькая. Когда он узнал, что его могут заорать (про карабин-то всему поселку известно), он явился и сделал то, что задумал, без колебаний. И если у него верба была не менее великая причина... Особенно если она возникла внезапно...

— Откуда? Перед нашим приходом был обычный разговор. Никакого скандала, крутого столкновения мнений, всплеска гнева.

— Могла быть и неприметная всплеска. Величка страха. Страх толкает на авандеры не меньше, чем гнев. Особенно панический. Или страх, замаскированный под скрытый ненависть. Как-то комбинация сильная, требующая немедленного действия. Чувства. Итальянцы от Филинко, но речь может идти о любви. И о жевании.

Любое обострение не останется незамеченным в маленькой группе людей.

Разве мы осознаем все, что замечаем? Особенно когда боимся. Это нас непосредственно не касается. Главное — обострение. Точечко к убийству был дал накануне того, как погас свет. Точечко непосредственный. Потому что общие стрелки не выдержали инициал. Но точечка была, хотя и остался незамеченным. Чтобы опущать его, нужно восстановить, о чем говорились за столом.

— Представь, эта мысль уже приходила мне в голову. И ты подтвердил. Маринка и Голочкой. Принаху, я пытался подкрепить свою версию, найти что-то связанное с Валерием. Однако ничего нового не обнаружил. Она с отцом даже не подкалывалась по обывальному.

— Был бы крутиный разговор накануне.

— Был. Но он не походил на скандал. А о чем шла речь, я не понял и не интересовался, естественно. Они прерывали его как топором. Я не вмешивался в эту заплывающую в Валерия не было. И за столом он молчал. Возможно, был подавлен. Однако это домблес, не больше. Скорее его не интересовала любая беда.

— Филинко рассказывал о обитом самолете.

— Опять самолет?

Эльга ЛЫДИНА

Рассказ о молодых кинодокументалистах

ПРЕЮДИЯ

Дорога от Орска до Гаа — всего тридцать километров.

Дорога от Орска до Гаа длилась три часа.

Разбитый на ухабах, ветхий, со стонущими колесами автобус, с гудком продала очередной коррозийный отрезок пути, тупело оседал в снегу. Тогда молча, привычно вставали пассажиры. Они обогнали автобус, стараясь не утонуть в сугробах. Далеко, все так же молча, подкалывали колеса, вырывая его из снежной толи. А через несколько километров все повторялось сначала.

Сноу автобуса были гудки забыты пассажиры. Но по слухам ледяная корка и два недвонных колеса ВПИСИ Алексеев и Александр и Дмитрий Оганяи казались себе не менее как фронтонными корреспондентами, отравляющимися на боевое задание, хотя военные дороги знакомы им были только по кино и старым фильмам.

Нахруч к маленькому, пенсионного возраста автобусу, обгоняя его, дигались колонны самосалов, тарелати прицепы, машины были плотно загромождены строительными материалами, трубами, кабелем, и чувствовалось, что где-то рядом, уже совсем близко, идет гигантское строительство.

Это была первая зима нового, молодого города Гаа, который комсомольцы все страны поднимали в Оренбургских степях, и это была зима первого телевизионного фильма молодых кинематографистов Алексея Габрилюнова и Дмитрия Оганяи. Они возмущены заданием молодой редакции Центрального телевидения, тремя тоненькими чистыми тетрадиками (база для сценария) и той случайной уверенностью, которой дебютанты бывають облажены свободности, стойкому оптимизму и... отсутствию опыта.

Им представило itself фильм о Гаа, который начинался.

Почему-то Габрилюнов и Оганяи казалось: надо идти вперед. Все! Кавендо из них, что в правом, не в переносном смысле, сбивал на этой земле первые колышки, ставил палатки, рыл колодцы. И они снимали карьеры, покоем на лунных кратеры, по яркам которых несомненно выветривались позави машины. Снимали девинок-каменщиц с обожженным морозом руками. Снимали крановщиков, шоферов, бурозаверстов, монтажников. Они снимали, споря до зрелости, боясь, боясь, индий вместе не работать, но назавтра начинали деле новой сьемки.

Потом, позже, к Габрилюнову и Оганяи пришло настоящие удачи — серьезные, большие гудки, удачные кадры, сьемки, которые прозвучали индивидуальностью их фестивалей.

Но точкой отсчета стала именно кажущаяся попросту никакой первой картина «Гибель созвездия», потому что однажды и надолго определила путь дальнейшего творчества и забвения молодых — рассказ о своих сверстниках, о своих современниках, о комсомольцах нашего времени.

Было это зимой 1959 года.

ЕЩЕ РАЗ ГАА

Через полтора года Габрилюнов и Оганяи вернулись в Гаа, сняв несколько коротких лет, чувств себя в долгу перед теми, о ком пытались рассказать в первом фильме, чувствуя себя пронырками, вылезшими из спящего маленького городка. Экзал они в Гаа той же дорогой.

Под колеса машины убежало широкое, волное шоссе, и город встречал их мощным стекляннотонбетонным зданием — клубом со сверкающими окнами, выходящими в снежные тиски, огромными модными парикмахерскими, кварталами новостроек...

Эта встреча с новым, подросшим Гааем стала смысловой основой их второй картины о комсомольском городе, о его стремительных темпах, о

его неутомимых людей — «Юность Большого Гава. В те годы в нашем документальном кино еще почти бытовали так называемые «жестко снятые» сцены, когда съемочная группа целенаправленно говорила со своими неподручными героями такие эпизоды но манер игрового кино, а затем с нескольких дублей снимала такую маленькую сценка на пленку.

В какой-то части Габрилович и Оганян не минували этого пути. Но было в картине и немало личного. Оно-то и стало настоящей школой.

Так был снят один из главных субтитров, когда один за другим прибывали в город сменены с киринком, и ребята в пургу, в стужу, снегу, в морозе, выходяли на разгрузку. Горели костры, звучала гармония, даже неведомо откуда появлялся потом маленький оркестрик. Натугулились, костеносившим на морозе ружьях передавали ребята по цепочке тяжелые ледяные кирпичи. В фильме перекочевали и герои первой картины. Авторы как бы следили за их судьбой. Следовало пареням по прозвищу «кузнец», приехавшим в Гаи с первым молодежным отрядом, рабочий парень, каждый день выпускавший короткие «молнии» о жизни стройки. Сигнал картины молодой оператор В. Гогинский, находившийся осознанно, костеносившим звучание для многих эпизодов фильма.

Вторая встреча с Гаем была первым итогом работы. Наполненное, продуманное, парадное мероприятие. Хотелось снять «свой», собственный фильм. Конечно, о молодежи. Конечно, о наших днях... Шел 1962 год.

НАЙТИ СЕБЯ

Этим фильмом, должно быть, и стала короткая телевизионная картина «Пусть стелется дорога» (оператор В. Гогинский). Она стала как бы вступлением в настоящий поиск.

В 1964 году в журнале «Молодая гвардия» появилась скромная заметка о молодом рижском режиссере, комсомольце Рите Терьянне, ставшей членом собственной жемчужины своего пациента, мальчика, большого пленомонтаем. Решение пришло немедленно: снять фильм о Рите.

Они приехали в Ригу. Снимали zuerst старые улицы города — дворы, по которым Рита шла на работу и возвращалась домой. Снимали пустую операционную, где до того работала Рита, а за экраном звучал ее спокойный голос, слышался рождающийся «сущность тревожного, напряженного дыхания, той атмосферы, в которой Рита жила, работала, совершила свой подвиг».

Они сняли звуковую хлещущую детскую карусель, а за экраном бойкой мальчишеский голос — звуком выговаривая Чукковского: «Бегди, радды, радды бегди березы...» Сняли спасенного Ритой мальчика. Снятого, бегущего вдоль гранитного парапета набережной Дугавы. Быть может, такими видами его Рита, когда склонялась над операционным столом, когда приняла на себя смертельный удар, предназначенный маленькому существу.

Картина не стала хронологически последовательным рассказом о Рите Терьянне. Хронология ушла на второй план. В точно найденных монтажных стыках документа и авторских отступлений фантазий рождался поэтический образ, рождался характер молодой женщины — романтической, добротной, высокой и земной.

Они пошли тем же путем в следующей работе, только более упрощенно и лаконично, в фильме «Вечный огонь» (оператор Ю. Беловин). В фильме «Вечный огонь» дальних странствий, любви, научного поиска, памяти о новшестве во имя свободы — из этих четырех новелл складывалась картина, сочетавшая документальную и игровую материал.

Наверно, в кадрах произведения, будь то роман, симфония, поэма, фильм, есть у автора ка-

кие-то самые близкие ему строки или эпизоды, в которых с наибольшей полнотой удалось ему выразить себя, свое гражданство, человеческую позицию, свое эстетическое чувство, гармонию своего творческого начала. В картине «Вечный огонь» таким фрагментом стал рассказ о старом железнодорожнике в вагоне.

Вагон дано стоит в тупике, на запасных путях. Днем и ночью проходит мимо, мчится, не останавливаясь, поезд. Днем и ночью вздрагивает стекла от стука бегущих колес. Все движется вокруг, и только старый вагон молчаливо, тих, заброшен. В короткое часы ночного одиночества оно точно остается наедине со своими мыслями, и грезится ему долгие дороги, которые он пробегал за свою жизнь. Он вспоминает, как ускорил так далеко гражданскую шпалю молодых бойцов. Мчатся поезда первых строителей переезда пилеток — энтузиастов, комсомольцев, героев... Солдаты Великой Отечественной... Герои-первооткрыватели... И слышат вагон провздоющий гудок паровоза, кажется, что вновь сейчас оживет, и заступит его колеса, побегут по рельсам, а навстречу откроется двумя белыми сияющими лентами полотно дороги...

АЛЬФА И ОМЕГА

«Альфа и омега» — название фильма, который Габрилович и Оганян считают своей главной книгой. На нынешний день.

Почему?

Редко заканчивая картину и думая: «Вашо. Чисто говорю, почти никогда же не думая...» — Алексей Габрилович как будто где увидел, что «Альфа и омега» был воспринят им по-иному. — А здесь было именно такое странное и сюрреальное ощущение: «вашо! В основе нашей картины, кстати, лежит социальный заказ. Мы шли от него. Нам предложили снять картину о том, как от первых шовов, от ликвидации массового безграмотности, наша страна стала культурной, интеллектуальной, образованнейшей в мире. Задача вроде бы банальная, и решить ее хотелось по-своему, уже ждя от всего накопленного в работе до этого времени. Сценарий написали Дмитрий Оганян, ленинградец Дмитрий Генкин и Александр В. Виноградов». Мы сразу же локализовали тему, решив снимать все на ленинградском материале. Конечно, снимая молодежь, от этого уйти мы уже не можем. Здесь мы одиноко, интеллигентно, образованнейшей в мире. Хотели начать прямо с исследования результата.

Шел необычный, интересный материал. Мы увлеченно работали до тех пор... пока не пришло время монтажа. Вот тут-то и наступил затор. Мы взяли монтажные ножицы, но материал развалился на отдельные куски, фрагменты, существование сами по себе. Возвращаться к сценарию было бессмысленно, и мы стали искать новую конструкцию, исходя из снятого материала.

Так родилась идея разделить фильм на новеллы, в каждой из которых должна быть своя, завершающая точка. Скорее даже многоточечная. Мы попробовали решить эти финалы несколько абстрактно, понажалу, символически, с тем, чтобы зритель мог и дальше в своем воображении продолжить судьбы героев. Исчезала постепенно фрагментарность, ключевость, материал стал обрывать контуры.

Теперь, когда смотрю фильм, кажется, что новеллистическое построение было заложено в самой основе его, и слова Алексея Габриловича представляются оправданными. Четыре новеллы, из которых состоит фильм, органично перекликаются друг с другом и на своей взгляд сюжетно не связанные, едины своей внутренней направленностью. Абстрактная фрагментарность, ключевость, утретней планерке на одном из ленинградских заводов начальник цеха собирает ночную смену и ведет

разговор, обычный разговор о том, что сделано. Число их, конечно, большое. Люди устают после работы, разговор идет вяло, вялое возмущение, вялое одобрение. Пользные вопросы радио, чистые, звонкие, врываются в маленькую комнату. «Последние известия» — диктор рассказывает о том, что было сделано, что проведено по всей стране за время одной ночной смены. И снова слышны малой чистоты, горстки со всей страной, снова обычно, знакомое переставать а значително, но не можно придумать, о чем именно авторская мысль на ходу повествования.

У фильма «Альфа и омега» много наград. Но главное в том, что авторы в этой работе нашли себя, точно определив свое творческое лицо.

ЛЕТОПИСЬ КОМСОМОЛА

О современности, о рассказе о наших днях они вернулись и история комсомола, о чем пытались, правда, коротко, символически рассказать в предыдущих работах.

До этого Габрилович и Оганян смонтировали два фильма из цикла «Летопись комсомола» — до 1948 и «до 1954». «Летопись комсомола» стала как бы младшей сестрой предыдущей работы, связанной автором с фильмотонным материалом. Вместе с ними над комсомольским летописью работал режиссер Самуил Зеликин.

Документальным был избирательный материал, документальным был дикторский текст — письма и дневники комсомольцев разных лет. Сами же они создавали единый документ пятидесятилетия.

«Летопись» сложилась из шести фильмов, каждый из них решен в своем ключе — поиски стиля шли от материала, от времени, о котором велся рассказ. Ритмы «Мирная энтузиастов» (30-е годы) звонки, стремительные, непористы. Мужественно, строго, драматично тональность фильма «Подъезды по тревоге» (Великая Отечественная война). Поиском редких кинодокументов отмечена серия «С фронта на фронт» — о гражданской войне.

— Мы просмотрели около полутора миллиона метров пленки, чтобы найти самый точный и необходимый материал, такой, который редко использовался, либо не использовался совсем. Нам удалось найти рассказ командира взвода который первым ворвался в блицдаг, где фашисты расправи Юрия Симирнова. Мы обнаружили до сих пор неизвестные кадры погребения Зои Космодемьянской. Все это было негативы, видимо, ни разу не отпечатанные на позитив с того времени, как попали на студию... вспоминает Дмитрий Оганян. — Мы отыскали выступление Александра Косарева на X съезде комсомола, встречу Юльянчи Шмидта с комсомольцами; кадры первого женского духового оркестра в стране; репетиции ТРАМа...

Фильм Габриловича, Зеликина, Оганяна стал не просто актуально подобранным свитком документальных кадров. Монтируя найденный материал, авторы требовательно осмысливали его, чтобы выразить через отобранный свой взгляд на историю комсомола, взгляды молодых людей 60-х годов, потомков своих героев.

А ДАЛЬШЕ

Пройден отрезок пути. Ощутимый. От робкого рассказа о Гае («снимаю, что вижу») до фильма с четкой выработанной позицией, с определенными поперечными сечениями. Минус: год два, три и «Альфа и омега», возможно, покажется ее авторам только попыткой, подступом и тому, что им удалось сделать за прошедшее время.

Нечетким, наверно, останется одно — возраст нас героев, олимпиады и прочно избранный. «Здесь мы одиноко» — это сказал Алексей Габрилович, поименит...

ЮМОРСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
Арк. БУХОВ

Рисунок Олега ПАЩИНА

Из всех людских пороков один только, по-моему, характеризует его обладателя с хорошей стороны. Я говорю о лени. Совершенно напрасно говорить, что лень — мать всех пороков. От такой матери не могут родиться такие дети, как, например, воровство или жестокость. Для того, чтобы воровать в буквальном смысле этого слова, то есть лезть через форточки в чужие квартиры, прыгать на ходу с сумкой с чужим кошелем в руках и ходить в течение часа по черным лестницам и всматриваться в замки и дверные пробоины, нужна исключительная повышенная трудоспособность. Для простой жестокости нужно проявлять немало энергии; желание наложить кому-нибудь требует длительного кожения, пешком для обдумывания плана пакости, бесконечных звонков по телефону, писаных доносов на больших листах бумаги с подомышленным под нее транспарантом и еще в конце концов личных визитов на шесть и седьмые этажи без хорошо оборудованного лифта. Все это скорее по плечу ком-

муляжору спичечной фабрики, чем ленивому человеку.

Любко смотреть на лентяев. Сядет такой человек в кресло, и не только по каждому движению глаз, а даже складкам пиджака, кажется, видно, что вся мысль у него работает в одном направлении.

Мешью я кому? Оставьте мене, пожалуйста, в покое...

И является ему в это время, что, если бы у двери его комнаты положили бы какой-то особенный чудовищно большой клейкий лист для луж, в котором бы были все близкие и чужие люди со своими разговорами, светлой и привычкой заглядывать в душу? — наступило бы полное блаженство...

■ Ленивый человек любит всего три раза в жизни, почему его и зовут одиолобом. Первый раз — лет девять, когда, по неопытности, второй раз — лет восемнадцать, из чувства нелюбви перед товарищами, кото-

рые все влюблены, и третий раз — в тридцать лет, иногда достигая до сорока. На этот раз любовь кончается катастрофически, и он вводит молодое существо, сам с кротким ужасом в глазах и с тихой покорностью всматриваясь в будущее.

Большое он не любит. Первый опыт учит его чувству неразделенной любви, сопровождаемому громким весельем и несомненным интересом окружающих. Второй раз он насыщается любовью разделенной, а с мучительными припадками: уходом из дома, обязательством дежурить у театральных касс, выворачиванием души перед близкими любовью и защитой ее задостаток перед своими близкими. Все это очень хорошо для тупеющих людей, желающих сбавить несколько килограммов собственного веса путем неожиданных волнений и пробега больших расстояний; для него это — лишение.

■ Большинство лентяев — умные люди, потому что у них есть много времени для образования всего, что пригодится в голю.

Экспансивный человек обыкновенно обучает поступку значительно позже его сверстников.

— Вы знаете, — обыкновенно говорит такой человек, — я напрасно Гляшима свиный назвал... Особенно при других и в лицо. Оказывается, что он не писал этого письма...

Или просто бегают по комнате, хватается за посторонние предметы и, наконец, найдет прочное пристанище для рук — собственную голову, начинающую тупить:

— Вот идиот-то... Вот тупица-то. Ну, что я сделал? Схватил деньги, проиграл, соврал, что был на службе, и в результате ночевал у нашего дворянина...

Лентяев человек, наборот, обдумывает все, даже то, что никогда не собирается делать. Не попал в театр, он, лежа на диване, представляет себе, сколько мелких неприятностей он получил бы от четырехчасового обзора чужой глупости в лицах, и встает с дивана с бодростью удальца, и в порыве, чем то, с которым он приехал бы из театра. В результате — разумная экономия и возможность раньше уйти спать.

Лентяй пригоден ко всем случайностям жизни, потому что в час спойного отдыха передумано все. И неожиданное получение трудно вычисляемого даже лучшим бухгалтером столицы наследства, и внезапное превращение ленивого человека в испанского вояку, и быстрый проигрыш дома под землю — все, вплоть до необходимости отратить себе большие зеленые крылья и перелетать с крышами на крышах.

Лентяй всегда прекрасный читатель. Схватит книгу, он вытянет из нее все, что хотели дать автор и издательство за пятьдесят рублей, а в то время как подвижной, работающий человек пользуется даже дорогой, трехрублевою книгой максимально на пятнадцать копеек, узнает имя героя, знакомится с состоянием его папы и, узнав из последней страницы, где герой похоронен, бежит по личному делу за пределы города.

Зачем такие люди вообще читают беллетристические книги, я не понимаю. Для них должны писать не беллетристику, а частновую утопическую: сначала метрики о рождении, потом свидетельства об окончании школы, оспаривания и несудимости, наконец подлинная грамота, удостоверяющая нормальную смерть. Лентяй смекает книгу. Он знает, что, когда кончит читать, придется заняться какой-нибудь работой, а так как это неприятно ему по существу, он перечитывает книгу до того момента, пока не убедится, что автору не удастся скрыть от него ни одной строчки.

■ Бывают, конечно, часы или даже дни, когда лентяй становится деятельным и подвижным. Это бывает при новых впечатлениях, но как быстрая коммат и то, что ее составляет, — необходимый фундамент для лени.

Живой, трудолюбивый человек ищет квартиру недорого и снимает ее с маху.

— Что! Диван не поместится? А мы его рядом, в комнату. Диван! А когда дует? Всегда! Раньше! Впрочем, а все всегда так... Будто у меня есть время следить за тем, откуда дует... Ой! Коллажила! Не оторвала ли она! Нельза! Не надо... Кому здесь можно так делать?!

Лентяй присматривается ко всему. Он удовлетворен, если на квартиру летит окно, мне надо встать, обойти стол, отодвинуть кресло... Вы мне, кажется, которую с двухгодичным контрактом продадите, а не квартиру... Сорок рублей с дровами на шесть комнат! Не в двоях счастье. И диван куда я поставлю? Сюда! Вы, очевидно, предполагаете, что у меня на одна из рук замерзает саевик... А встать из-за каждой палочки и подходить к столу... Извините за беспочвенность.

Но, сняв квартиру, он требует, чтобы его перевезли туда сейчас же, раньше мебели. Сидит на подоконнике и терпеливо дожидается того момента, пока квартира примет жилой вид.

■ Лентяи нежны. Обгубуют Душу встречи, разговоры, мелкие хамства чужих людей. Совершая жизнь в тиндике своего комфорта, лентяй обдумывает себя от этих факторов морального угрубления.

Лентяй с удовольствием послушает вышбленного, потому что последний ждет только словесного соучастия, которого можно ему подарить, не сходя со стула, в то время как другой человек, про то ударившись, обдумывает извозничью пролетку, требует, чтобы его собеседник опускаясь около него на колени и почтительно, долго рассматривая голый зад с большими распыляющимися сиянием.

Лентяй любит говорить о цветах и весенних зорях, потому что по этому поводу никто не поднимет безногого спора, во время которого необходимо встать, рывясь в энциклопедическом словаре сразу на несколько букв, уносящая себя и энциклопедический словарь. Вообще спорить никогда не стоит. Особенно по сложным вопросам, о которых необходимо заучиваться. Если собеседник — умный и уважаемый человек, даже неудобно думать, что он перемнит свое аморосерождение, потому что лентяй знает, что это юнец, который спорит просто потому, что этого требует его организм, — смешию и унизилишь, собираясь из себя колонну для малолетних преступников и занимаясь исправлением юных характеров.

■ Лентяй никогда не спорит. Я люблю их. Не так, обзюргилих, с большими отписками жидотами и запятыми, а так, чтобы не обдумывать только перед подачей из кухни еще невыведомо, но уже правящего третьего Блода... Я люблю их, когда в истинно ленивом состоянии, несут на себе все тяготы жизненной кропотливости, во у которых в душе всегда вибрирует одно и то же желание.

— Эх, как бы погрести всех вас, устесая поудобней и отдавая споконие любимой работке... Я люблю их, когда в истинно ленивом состоянии, с глубокой надеждой, а им глубоко соучастие, и мне становится грустно.

1916 г.

— Ну, это понятно. Местная новость номер один плюс охотничьи фантазии.

— Что за фантазии? — Матвей обнаружил останки летчика в стороне от дороги. — Выброшено взрывом?

— И так думаю, но Матвей начал туманно, уверялся, что спеллет совершенно цел и сохранившаяся охеда не обгорела. Получается, что летчик выбрался живым из разбитых адрегети машин, отошел сплотною да травку, прилеп к урву. Талант скотника байба! А главное, связан с нашим убийством никак!

— Во всяком случае, уютно же трудно. Зато есть связь с приездом в поселок Олега. Мне по чему то кажется, что он неслабо склонен по голубо как журналист. В его несобиточности заметно что то личное. Но почти невероятно, чтобы эта авианебже могла привести к смерти Калугина.

— А что говорили другие? — Высызнавались по-разному, но общее мнение сводилось к одному: узнать фамилию летчика и сообщить близким. — Начето хранилище оное. Естественно. — Еще говорили о том, что найти совсем будет трудно. Олег колесил: «Это я беру на себя». Калугин заинтересовался, каким образом он собирается действовать. — Сохранялся номер машины, фамилию летчика можно узнать в военном архиве. Также просто, как увидеть. Потом разговор перекинулся в сферу абстрактную, как прошное дает знать черта мунду.

— Что же тут высказывалось? — Обычные суждения. Об ответственности за совершение поступка. Олег активно участвовал в деле. Историю можно было не только скрывать. Выпалась Кушнерев и стал говорить, что истина не улетучима, что факты можно понять по-разному. Короче, общия болтовня.

— Он был на стороне Олега, собирался рассказывать какую-то притчу, но Валерий заявил: «Отец ты многоголосный, дай гостям поговорить». Калугин скрутил язык и обмолвился: «Сохранили же. Он назвал это притчей? Не случаем из жизни?»

— Нет, нет! И Галя и Марина назвали это спавом. — Да... Улов невелик. Но закончилась ли стрельба, вот вопрос? Или есть смысл застраховать жизнь?

— Да бы приняла меры предосторожности. — Обязательно! Беру ружье, и пойдем! — По-прежнему туман заваливал факты и дальние горы, по-прежнему, насущности, стоял вымощный лес, и вода в озере казалась неприступной и колодной.

Они благополучно добрались до дома. Там, у дубового стола, сидел Кушнерев и рассматривал полустулающую бутылку. Четкие спускающиеся ступени сразу привели к обманчиво разгладившемуся аватар пояску, седые редкие волосы спускались, обвивая недорожную козку.

— Отдай ружье Валерию, Борис. Я поспежу пока Александр не начал рассуждать. — Кушнерев исподлобью наблюдал, как Мазин подходит к столу.

— Не возражаете, Алексей Фомич? — Нет, не возражаете. — И не возражает старик медленню, подбирая слова, как делают это иные люди, понимая, что они слышат, и стремясь вести себя нормально, «правильно». — Я не могу возражать, молочу человеку, потом что не пожуз в чуждом доме, и даже бутылка, которую вы видите, мне не принадлежит. Поэтому я оставляю ее вам, потому что мне пора, мне пора домой, а здесь я больше не нужен. Не тревось... — Как сказать. — Скажите же. Пописните. Осветите. — Если удастся установить, кто убил Калугина.

— Кто убил Калугина! Нашли себе крестовод на досуге? Смотрите! Могиры свихните. Или же. Может быть, мне известно, кто убил Калугина. — Он шагнул вперед. — Ничего больше не скажу. Не хочу с вами разговаривать.

— Дело ваше, — ответил Мазин, подчеркнув сожаление. — Не хотите бы установить? Да, да, вы вместе с вашим приятелем из так называемых органов внутренних дел! Так вот, мои внутренние дела вас не касаются! — Я вижу больше, чем вам кажется.

— Ну и самонимие! Любопытно, что ж вы увидели?

— Паузу извуживаю. Вам хочется знать, был ли Калугин истинным другом или он только болел вас.

— Кушнерев замер. Удар пришелся точно. — И вы обещали, Алексей Фомич, что вы будете искать своего повелевика, если можно, — шутовски похлопывая старик, но тут же посперьвельно. — На равном языке говорим. Боюсь, не поймете.

— Заметьте было, что архитектор не так пьан, как показало Мазину вначале.

— Вы считаете, что убийца Михаила Калугина не должен понести наказание?

— Вы ставили вопрос теоретически, не упоминая о том, что подозреваете конкретное лицо. — А какая разница?

— Заметьте внимание. Ответственность определенно человека нагляднее. Она поддается точной оценке правосудия.

— Вот вот. Вы о правосудии, о суде своем забываете, а я об истине.

— Трудно с вами, Алексей Фомич. Темно горю. Я вам о гибели Калугина, а вы о том, что человек сам себя способен наказывать больше, чем правосудие. Способности наказывать? А если не собираетесь? Как поступать прикажете?

— Приказывать не приямк. И вообще наговорил лишнего. Следовательно и того не скажу. Но вы... показываясь, поймете. Я вас и досека не собираюсь. А не помня, так и к лучшему.

— Как же к лучшему, если убийца не обезврежен?

— Для других он не опасен. Мазин позволял себе запрещенный ход.

— Да такую уверенность имеет право лишь один человек. Желтые глаза замелькали.

— Бибид? Так поинтересуйтесь? — Мазин шагнул к сапогу Кушнерева. Они были в свежей непрошепке глание.

Долго тянулася пауза. Архитектор сложил перед собой руку, переплетая пальцы. Они тихо лежали, почти так же томлясь, как и досека, на ковре. Мазин был бледен, Мазин молчал.

— Что вам нужно? Как я понимаю, лицо вы неофициально, а тем более покойному не друг, даже не знакомый человек, а работодатель, ссылаясь ставите. Зачем вам это? Приезд милиции — разберется. Если уж вы так за правосудие выступаете, зачем вперед его бежать? Милиция есть горамы, а вы уже убийцу разоблачили, а?

— Не разоблачили. Как и вы, кажется. — Я такой цели не ставил. То же мне известно... дело мое.

— Милиция задает вам вопрос. — Милиция спрашивать не собирается, а догадкам делиться не обязан.

— Значит, фактов меньше, чем догадок? — Не знаю, чем обязан вашему истинному любопытству. И предложение ваше странное: зачем Михаилу мне бороться? Плохо вы представляете положение художника Калугина! Это не даначеский дачник. Это фигура, можно сказать, сорвана.

— Все верно, Алексей Фомич. А, выходяит, понабавлялся. Хотя я понятия не имею, почему Калугин вас боится.

— Не бойтесь бы и понятие имело? — Но предположить могу. Наверно, было что-то с Калугиним, о чем вам известно, а другим нет, и не хочю им कहелось об этом других оповещать.

Архитектор хлопнул кулак по столу. — Да что вам право дал на подобные предположения? — Ответил Мазин коротко.

— Что? — не понял Кушнерев. — Защищаясь, — повторил Игорь Николаевич. — Если уж вы отвергаете правосудие, то признайте хотя право на самозащиту. Мне бы очень хотелось знать, кто стрелял в меня сегодня.

— Стрелял? — протянул Кушнерев недовольно. — А вам это не надо, не прислышалось?

Мазин приложил руку. — Отверните видите? — Везучий вы!

Именно. Потому не хотелось бы больше испытывать судьбу. Мне нужно было, кто за мной охотится. Раз выстрел оказался неудачным, он может повториться.

— Ничем не могу помочь, — Кушнерев поворачиваясь к Игорю Николаевичу слышал утробно, но на этот раз без вызова, вяло.

— Однако вы заявили, что знаете убийцу Калугина.

— Я совсем другое подразумеваю...

— Валерий опух бы запросто... — нарушил их разговор вернувшийся Сосновский. — И Марина Викторовна тоже не видела. А вы, Алексей Фомич?

— Я тоже... Кушнерев поднялся. — Простите, уважаемый, вынужден вас покинуть. Понимаю ваше состояние, но сейчас, беднее, беднее. Однако, если вы желаете, я могу пойти в вашу комнату.

— Ему есть что сказать? — спросил Сосновский.

— Я надеюсь понять то, что он сам до конца не понимает. Со стороны легче заметить детали, которые приглядываются тем, кто рассматривает картину постольку. А он присматривался долго, годами. Однако же вы Валерий! После этого выстрела я стал беспокойным. Что делает Марина?

— Марина у себя. Совсем раскисла. Утром она выглядела живее. А сейчас, видимо, стало доходить, что произошло. Бедь она дочка, и сущность, а в такую передерку угодила. Зайди к ней, а я посмотрю, чем заняты остальные.

По пути в комнату Марини Мазин посмотрел в окно. Там, прижавшись носом к стеклу, стоял Коля. Игорь Николаевич повернулся и вышел из комнаты.

— Не прачесь, пионер. Считаю, что ты прошиб.

Получилось удачно. Мальчишка не осыпался полной амнистии.

— Правда? — Ты думал, что нашей дружбе конец, потому что ты болтал правду выстрел отцу? Пулю узнал сразу?

— Ага. — Ага. Прекрасное слово. Хочешь пропеть прощенье?

— Не виноват я, Игорь Николаевич! Я хотел про пулю сказать, а вы говорите, уходил, я не успел.

— Ладно, «сделайте». Теперь слушай. Работник ты оказался недисциплинированный. Пожалуй, это у тебя наследственно. Придетя, брат, вступить в борьбу с самим собой. Или возмешь себя в руки и оставишь Родина?

— Беру в руки, Игорь Николаевич. — Предложено. А прочую я тебя именно за то, что сказал отцу.

На этот раз Коля не пошел.

— Коля, ты предпринял отпад потому, что был уверен, что стрелял не он. Теперь паренек обривался открыто.

— Ну да, Игорь Николаевич. — Ну да, а ты знал, что стрелял он, как бы ты поступил?

— Радость обещала и несущитого лица. — Не знаю.

— Понятно. Наверно, я не должен был задавать тебе этот вопрос. Это сложный вопрос... Значит, был уверен?

— Конечно, не он, Игорь Николаевич! Отец бы ни за что не промакнул. Он знает, как стрелял!

Тяжело своеобразного argomenti Мазин не оягчал.

— Пуля пробила глазо.

— Кто выстрелил, не расстрелял? — Что вы! Все же ранило в правую руку. Это от сердца далеко.

— Не так уж далеко, Коля. Но не будем спорить. Отец стрелял, это он подложил пулю?

— Подложил? — Мальчик покраснел. — Чтоб мы не узнали, что стреляли с карабина, да?

— По-видимому.

— Как вы видите, да? — Коля стоял красней как рак. Видно, что он ему стыдно и за поступок отца и за то, что он не удержал. — Отец же не знал, кто вы, Игорь Николаевич. Он думал, что вы доктор. Я про вас не говорил. Я же слово дал...

— Доктора точно не лопухи. Значит, отец стреляет, что провел нас?

— Да вы заметили, что на него подкумал. Ему и так от начальника поподает. А я ему нарочно сказал. Он теперь нам полезен будет. Он этого года все равно высадит.

— Или? — Мазин засмеялся, а мальчик нахмурился.

— А что тут плохого? — Под пулю отца подставить можешь... пожелал Игорь Николаевич не расстрелять, потому что сак да далеко не уверен в непричастности егера... В меня-то стреляли.

— Отца не подстрелят, — ответил Коля с обидой для Мазина гордо. — А ты рассчитываешь подлучить задание? Тогда иди в дом и жди меня. Можешь смотреть по сторонам. Пона ве.

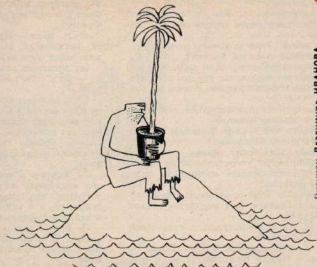

Рисунок Владимира ИВАНОВА

Победы бывают близнецами

Любителям шахмат памятна красивая, убедительная победа Бориса Спасского над Робертом Фишером, которую выигранный чемпион мира одержал в поединке с талантливым американским прославленным четыре года назад на международном турнире в Санта-Монике (США).

Вот нам протолкла тогда напряженная схватка между ними, после которой общий счет стал 3:1 в пользу советского шахматиста.

1. d4 Кf6 2. e4 e6 3. Нс3 d5. Играя черными, Фишер немедленно применяет то же самое, известное в шахматной теории под названием защиты Грофенберга.

4. c4 К:с3 5. e4 К:е3 6. e5 К:е3 7. С:е4 с5 8. Нс3 Кс9 9. Сс3 С:с4 10. О-О Фс7 11. Лс1 Лf8. Создалась обостренная ситуация, в которой белым стремится развить наступление на королевском фланге, а черные — в центре и на ферзевом фланге.

12. Фe1 e6 13. f4 Кe5 14. Сd2 f5 15. Лd1 Лd8. В трудном положении черным необходимо защищаться, и им удается отразить непосредственные угрозы королю.

15. Сh1 Фe6 26. Фe2 Кr h8 27. f4 h6 28. Фe2 Крg 29. Лf1 Фe7 30. Фd4 Лf6 31. Кf1 С:е3 32. С:е4 Фс3. Угроз атаке отбросив, опасные фигуры противника разменяны, но неизменно на доске легендарное окончание техничного выиграно для белых, ибо в водовихвах позициях при влечении пешек на разных флангах свои замечто мощнее коня.

33. Ф:с5 Л:г1 34. Кр: f1 бе 35. h4 Кс4 36. Крe2 Кe5 37. Кf5, и дальновидная стратегия Спасского в споре восторжествовала.

Произошло нечто четыре года, и совсем недавно Борису Спасскому и Роберту Фишеру вновь пришлось скрестить оружие. Случилось это в матче СССР — США в финале Всемирной шахматной олимпиады, которая в сентябре состоялась в западногерманском городе Зигене и завершилась победой нашей сборной, в десятый раз подряд (из 9) завоеванной переходящим призом — Боккетом Лубе.

Встреча между лидерами команд СССР и США представляла немалый интерес с творческой стороны и волею принципиальности характер, так как последние годы вносил успехи и победы вечно в «матче века» над Петросовым настройки Фишера

на разного рода заявления о своем явном превосходстве при сравнении мировую шахматную королю.

Когда было сделано «холод», позиции на доске выиграла для нас старым знакомым.

Нетрудно убедиться в том, что гроссмейстеры циркулируют поигривши весь двубойный вариант своей партии 1988 года! Понятно, что протеревший «дворожки» скандинавского происхождения Спасского.

12. Кf6 Кf6 13. f4 e6 14. Фe1 Кe5 15. Сd5 f5. И на этот раз Фишер пытается расторгнуть готовящийся белым штурм королевского фланга, а Спасский изобретательно выискивает пути атаки.

16. g4 fe 17. С:е4 Сb7 18. Кe4 Кс3 19. С:е7 Ф:е7 20. Сf3 Фe8 21. Фe2 cd 22. cd К:е3 23. Ф:е3 К:е3. В этой партии даже более обостренная позиция фигуру на смелой жертвой центральной пешки белые все же захватывают выигранным.

20. d5! fe 21. fe Ф:е6 22. f2 Фe7 23. С:е4 Л:д1 24. Л:д1 Лf8. В трудном положении черным необходимо защищаться, и им удается отразить непосредственные угрозы королю.

23. Кe4! С:д47 24. Кe5 С:Г2 25. Л:г1 Лf8 26. Лf1 Фb6 27. Кe4 Лd4. Словно играть 27... Лe4, Фишер, однако, выигрывает на выиграной сиротой аффионной комбинации, издана за выигранным Спасского.

28. Кf6! Крh8 29. Ф:е6 Лf8. Опанькаться, коварная и очень злободневная ловушка, заготовленная чемпионом 20... Лf1f1, красиво опровергнуты, славян последствием жертвы ладьи 30. Фf7f1.

30. Фe1 Лf8 31. e5 Лd2 32. Лe1 Фe7. Еще одна, теперь уже решающая ловушка, после которой развертывается стремительное наступление соперника. Шансы выжить, обложку отряпавшись ходом 32... Кf6, хотя положение белых было все же симпатичнее.

33. Л:д2! К:д2 34. Фd1 Лd8. Протокол! Прибегать к тактике ладьи выигранным черными и потерей фора 34... К:г1 Крh8 35. Лd8: Кf7 36. Лf6: h1 Черные сдались.

Результат личных встреч Спасского с Фишером выиграно до 4:1 в пользу чемпионом мира. Не правда ли, убедительный пересел!

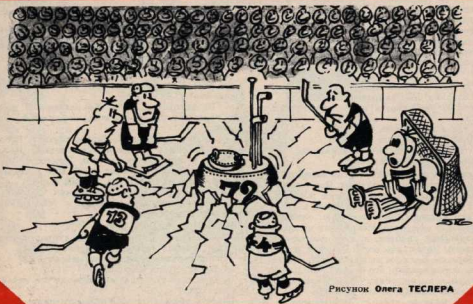

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

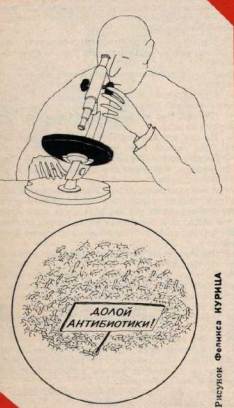

Рисунок Феликса КУРЦА

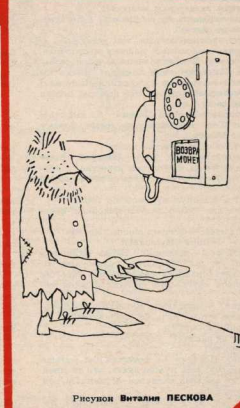
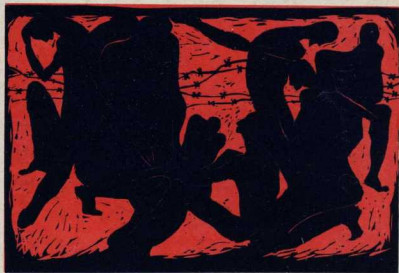

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

Дело, которому он служит

ДАГЕСТАН.

КОШЛАГЕРЬ.

В южную красоту Сочи все больше вписываются современные постройки, дороги, коммунальные вышки, электротранспорт. Но и старые сооружения радуют глаз интересным архитектурным решением, соответствием окружающей природе, столь богатой и щедрой. В некоторых, лучше из книг, удачно сочетаются восточные и славянские мотивы. Именно здесь, на мой взгляд, как нигде в другом месте нашей Родины, имеет право на воссоединение искусство великих цивилизаций прошлого и настоящего. Ведь здесь встречались и встречаются простота и мудрость нашего народного искусства с классическими традициями Древней Греции, чьи архитекторы искали идеальное место золотого сечения. Можно бросить взгляд на карту и увидеть, что не так уж далеко от тех мест очертания древней культуры — Египет, Средняя Восток, Византия, чтобы это не могло не чувствоваться в художественных формах. Не будем говорить, что такое органичное сочетание различных творческих начал состоялось. Нет, оно просто возможно. И, может быть, одним из тех, кто особенно остро ощутил здесь эту возможность, стал молодой художник Александр Неумыванин. Его интерьеры, пейзажи, украшения ума известными многим солнцями, хотя свою работу в городе он начал не так уж давно.

ВЕЧЕР В СОЧИ.

Люблю рисовать, — говорит он. — Страстный Феофан Грен, тонкая дравания

ВЕЧЕР В САКЛЕ.

египетская линия, завершенность византийских форм — и природа Кавказа: все это удивительно волнует меня. В рисунках Неумыванина явственно виден юный колорит. Влезаешь гор и небудь ведь родился Александр в Дагестане, в долине Терек. И рисованию серьезно стал относиться только в годы службы на флоте в Севастополе, где его первые работы появились в газете «Флаг Родине». В 1968 году произошла встреча с архитектором города Сочи Сердюковым, который убедил начи-

мающего художника посвящать свое творчество горам, его красоте. С каждым годом хорошеет Сочи. И в этом — немалая заслуга Александра Неумыванина, человека, который найдет и найдет свое место в искусстве. Мы предлагаем вниманию читателей «Смены» несколько рисунков молодого художника, с именем и произведением которого, как нам кажется, мы еще не раз встретимся.

Валерий БАНИЧЕВ

